

СЕРГЕЙ МИХЕЕНКОВ

ДРАГУН ПЕРВОЙ МИРОВОЙ*

РОМАН-БИОГРАФИЯ

ГЕОРГИЙ ЖУКОВ

Глава первая

РОДИНА. ТЕКУЩАЯ РЕКА

“Я был упрям...”

Маршал стоял над рекой и пристально наблюдал за её течением. Берега в этом месте будто стискивали Протву, и стремя реки, подчиняясь теснине песчаных, каменистых осыпей, бугрилось рябью нервных воронок, с урчанием крутило тугие жгуты и стремительно уносилось за излучину. Там, за поворотом, река текла вольнее, шире, спокойнее. Там начинались купальные места и сенокосы, которые испокон веку принадлежали жителям Огуби, Костинки и родной деревни маршала Стрелковки. Или Стрелковщины, как некогда называли эту небольшую приречную деревушку, по мест-

* Журнальный вариант. Главы из книги о Маршале Георгии Константиновиче Жукове. Полный текст готовится издательством “Молодая гвардия” в серии ЖЗЛ.

МИХЕЕНКОВ Сергей Егорович родился в 1955 г. в деревне Воронцово Куйбышевского района Калужской области. Служил в армии на Чукотке. Окончил филологический факультет Калужского государственного педагогического института им. К. Э. Циолковского и Высшие литературные курсы Союза писателей СССР. Работал журналистом, учителем, научным сотрудником краеведческого музея, занимался издательской деятельностью. Автор пятнадцати книг прозы. Повести и рассказы публиковались в журналах “Наш современник”, “Молодая гвардия”, “Юность”, “Ясная поляна”, “Воин России”. Лауреат премий им. Н. А. Островского и А. Хомякова. Живёт в г. Тарусе на Оке.

ным преданиям, названную так уральскими мастерами, которые отливали в Угодском Заводе чугунные пушки, а возле реки обстреливали их усиленными зарядами.

Песчаные берега только выглядели податливыми, на самом деле они стояли здесь неприступными твердынями, смиряя своенравный ток реки своим вековым покоем. Они и тогда, в пору детства маршала, были такими же.

Впереди, в километре выше по течению, лежала его родная деревня, милая его сердцу Стрелковка. Позади, за спиной, тоже недалеко, родина его матери — деревня Чёрная Грязь. Он стоял сейчас словно между двумя родниками, живыми, откуда ещё сильными, и чувствовал их земное биение и ток. “Видимо, так и чувствуют родину”, — подумал он.

Вид текущей воды завораживал. Маршал не мог оторвать глаз от этой вековой борьбы реки и берегов. Река течёт, изменяясь каждое мгновение, а берега стоят недвижно, как крепостные бастионы. Но он-то знал, что есть в этом соперничестве некая высшая гармония, вечное сосуществование противоположного. Именно она и успокаивала взгляд, умиротворяла душу.

Чуть выше, на пригорке, под берёзами виднелась череда окопов. Окопы пехотные. По очертаниям и характеру расположения — немецкие. Война дошла до его родины в октябре 41-го. Той осенью он пережил многое. Как тогда ему казалось, многое смог понять и оценить. Во многом разуверился. В чём-то, наоборот, укрепился.

Маршал оглянулся на берёзы. Немолодые. Снизу кора разошлась в глубоких чёрных морщинах и наростах. Вверху — белые, словно в седине своих лет. Должно быть, его ровесницы. В детстве он их здесь не видел. Нет, не помнит, чтобы здесь начинался лес или были какие-то заросли. Раньше от его деревни до Высокиничей в пойме ничего не росло, кроме травы: сплошные сенокосы. И ему, как и всем подросткам из окрестных деревень, тоже пришлось и косить здесь, и сушить сено, и стоговать, и накладывать на телегу высокие возы...

Да, соглашался он с неизбежным, сколько воды утекло... Сколько утекло... Туда, где уж и не догнать.

Казалось, и душа его уносилась туда же, вслед за струящимися водами. От истоков к устьям. От рождения к неминуемому исходу. Да, думал он, жизнь проходит. Недолго человеческий век. Давно ли вот так же, где-нибудь над такой же излучиной, стоял кто-нибудь из его дедов или прадедов и наблюдал за игрой реки, любовался её тишиной и ладом и размышлял о слабости человеческой природы и вечной неизменности природы реки и её берегов. Что ж, уйдём и мы, думал маршал, а сюда придут новые поколения. За ними — другие, а там следующие... Хорошо, если они хотя бы чем-то будут походить на нас, не растеряют родовых черт, самых главных, становых признаков того прочного народа, от которого мы произошли и так основательно заселили эту землю. Старательно возделывали её и обороняли.

Недавно он прочитал в какой-то книге: земля становится родной, навеки твоей, когда она на полметра вглубь полита кровью твоего рода.

Эта была пропитана на достаточную глубину. Полили её, уж куда как полили...

В глубине реки, как некая тайна, которую не каждому даётся постигнуть, мерцало песчаное дно. Он не только видел его, усыпанное мелкой почтой прозрачной галькой, но и, казалось, чувствовал. Как почувствовал в порывах ветра густеющую влагу и с полузабытым беспокойством подумал, что, должно быть, собирается дождь. И правда, за полем, начинавшимся сразу за поймой, синела, поблескивая белесовато-сизой изнанкой, туча. Она вылезла из-за Лыковского леса и теперь угрожала окрестностям.

Он всё здесь чувствовал тем особым чувством, которое оживает в человеке во время долгожданного свидания с родиной. Давно заметил за собой: в нём мгновенно оживал тот исконный калужский мужик, из кости и плоти которого он и произошёл. Он и жил, и воевал с той мужицкой основательностью и преданностью без остатка, с какой здешний крестьянин всегда был предан земле, отдавая ей, единственной, все свои силы, умения, талант и любовь. С самых первых лет, как только помнил себя, он слышал от сосе-

дей и пилихинской родни, что “вылитый дед”. Деда он не знал. Никогда не видел его. Но дедом гордился.

Он ещё раз посмотрел за излучину. Нет, деревни отсюда ещё не видать. Но она там, за поворотом реки, совсем недалеко. Вот только ждёт ли его там кто-нибудь? Обнимет ли, как родного? Приютит ли на ночь? И зачем ему всё это, если никто уже не ждёт?

Свидание с родиной, тем более по прошествии стольких лет, считай, всей жизни, рождает в человеческой душе чувства смутные. Всё в ней колышется и движется куда-то. Как в реке. Только река знает, куда течёт. Всё в её жизненном токе определено природой, рельефом и временем. А в душе человеческой всё смутно и необъяснимо сложно. Ничего она, душа, не знает. Ни покоя, ни того, куда несёт человека его судьба и где он приткнётся. Да и незачем ей знать. И тогда выходит, что и жизнь человека, изломы его судьбы и медленные излучины действительно сродни реке. Вот такой, как река его детства. Река родины.

Крестили Георгия Жукова в Никольской церкви села Угодский Завод Малоярославецкого уезда Калужской губернии. Церковь стояла на Угодском погосте близ братской могилы казаков, умерших от ран в здешнем лазарете после Тарутинского сражения в октябре 1812 года. Крестил приходской батюшка отец Василий Всесвятский. По совершении обряда в метрической книге сделали обычную запись, из которой явствовало, что младенцу дано имя Георгий, что рождён он 19 ноября, крещён — 20-го, а родители его — “деревни Стрелковки крестьянин Константин Артемьев Жуков и его законная жена Иустина Артемьева, оба православнаго вероисповедания”.

Крёстными родителями младенца стали крестьянин села Угодский Завод Кирилл Иванович Сорокин и “крестьянская девица” Татьяна Ивановна Петина.

В тот год в приходе родилось 65 мальчиков и 82 девочки. Причём Жуковых появилось на свет пятеро. Дети родились во всех пяти стрелковских дворах, где носили фамилию Жуковы.

О родителях будущего маршала следует привести некоторые подробности, потому как история отца и матери нашего героя стала предметом серьёзных раздоров историков и биографов.

Споры и кривотолки пошли вот откуда: остаётся неизвестным доподлинно происхождение отца маршала — Константина Артемьевича Жукова. Семейное предание гласит, что в деревне Стрелковке на левом берегу Протвы жила бедная бездетная вдова Аннушка Жукова... “Чтобы скрасить своё одиночество, — пишет в своих мемуарах маршал, — она взяла из приюта двухлетнего мальчика — моего отца. Кто были его настоящие родители, никто сказать не мог, да и отец потом не старался узнать свою родословную. Известно только, что мальчика в возрасте трех месяцев оставила на пороге сиротского дома какая-то женщина, приложив записку: “Сына моего зовите Константином”. Что заставило бедную женщину бросить ребенка на крыльце приюта, сказать невозможно. Вряд ли она пошла на это из-за отсутствия материнских чувств, скорее всего — по причине своего безвыходно тяжёлого положения”.

Как пишет далее Жуков, дом вдовы Аннушки, где родились и все её внуки, в том числе и Георгий, стоял посреди деревни. “Был он очень старый и одним углом крепко осел в землю. От времени стены и крыша обросли мхом и травой. Была в доме всего одна комната в два окна”. Кем и когда был построен дом Жуковых, никто не знал.

Как вспоминал сам маршал, все пять дворов стрелковских Жуковых родней друг другу не доводились, даже дальней. Крестьяне Малоярославецкого уезда Калужской губернии свои фамилии приобрели, как и большинство окрестных жителей, после отмены крепостного права. Кто выбирал, когда записывали, а кому и просто назначили.

Аннушка умерла, когда её приёмшу едва исполнилось восемь лет. Приёмного сына поднять не успела. Впрочем, в те времена, да ещё в деревне, дети, особенно мальчики, взрослели рано. Снова оставшись одиноким сиро-

той, мальчик пошёл в село Угодский Завод — искать кусок хлеба на пропитание. И нашёл: его взял к себе в подмастерья сапожник. Так, через поле и перелесок, и бегал Константин Жуков каждое утро, стараясь не опоздать к началу работы. Вечером возвращался. Через три года, вступив в пору отрочества, попал в Москву и там быстро устроился в обувную мастерскую Вейса. Оборотистый и предприимчивый немец открыл собственный магазин модельной обуви, так что дела у предприятия шли неплохо. Константин, ставший неплохим мастером, тоже со временем встал на ноги и в 1870 году женился. В жёны ему высватали “крестьянскую дочь Анну Иванову” из той же деревни Стрелковки. У них родились сыновья — Григорий (1874) и Василий (1884). Младший вскоре умер. А в 1892 году умерла от скоротечной чахотки Анна Ивановна. Константин Артемьевич остался вдовцом. Кстати, происхождение отчества отца Жукова остаётся невыясненным. Очевидно, вписано произвольно.

Итак, одни сторонники “тёмного” по отцу происхождения Жукова намекают на его “арийские” корни, другие — на греческие. Как будто не мог в русском народе, без “примеси”, родиться будущий великий полководец! Хотя сами же и пеняют на его мужицкие манеры и хватки.

Идея “немецкого” или, точнее, полунемецкого происхождения нашего героя — лишнее подтверждение тому, как далеко могут расходиться в нашем болоте, где все лягушки орут вольным хором и каждая на свой лад, волны “норманнской” теории, если в неё поверить хотя бы отчасти. Нанялся к немцу на работу — и ты уже наполовину немец...

В этой истории — почему Константин Жуков из деревни Стрелковки Малоярославецкого уезда оказался в найме у немца в Москве — надо знать вот что. Испокон веков жители подмосковных городков и селений искали в богатой Москве заработка и хорошей жизни. И порой находили и то, и другое. Как, впрочем, и наш герой. Хотя отец его и не сумел найти. До сих пор этот поток не иссякает. Особенно молодёжь едет и едет в Москву — и из Малоярославецкого района, и из Жуковского, и из соседних Боровского и Тарусского. Так что маршрут этот уже тогда был исхожен не одним поколением и имел свою историю и культуру.

Константин ушёл в большой город пешком. Вместе со своими товарищами, кто дорогу в Москву уже знал.

Мать Устинья Артемьевна родилась неподалёку, в деревне Чёрная Грязь, что в шести километрах ниже по течению Протвы, в семье Артемия Меркуловича и Олимпиады Петровны. Фамилии при рождении Устя не получила, так как её здешние крестьяне помещика Голицына не имели вплоть до конца 80-х годов XIX века. Впоследствии записались они Пилихинными. Устинья Артемьевна фамилии по отцу никогда не носила. Не успела. В семье она была старшим ребёнком. Известно, что в крестьянском доме старший из детей — и за мать, и за отца, и за всех на свете. Рано втянулась и она в тяжёлый физический труд. От отца по природе ей передалась широкая крестьянская кость, выносливость и упорный характер.

В деревне старшую пилихинскую дочь называли Устей, Устиньей, Устюхой. В семье — Устюшей. Детей впоследствии называли Устюхиными. По фамилии — редко. Будущего маршала кликали Егором Устюхиным. Поскольку после отмены крепостного права здешние мужики, владевшие каким-либо мастерством — кузнечным, плотничьим, столярным, скорняжным, сапожным и иным — уходили в работники и возвращались только к сельскохозяйственным работам, в деревнях постепенно воцарился матриархат. Верховодили женщины. Правда, их первенство простиралось до известных пределов: на выборные и иные должности в общине проходили только мужчины.

Шли годы. Устинья повзрослела, заневестилась. Артемию Меркуловичу хоть и жалко было отдавать замуж, считай, в чужой двор большую дочку — хорошая работница, в поле за двоих управлялась! — а надо. Пора.

Вначале её выдали за Фаддея Стефановича, крестьянского сына из соседнего села Трубина Спасской волости. Этот Фаддей Стефанович тоже оказался бесфамильным. Когда играли свадьбу, жениху только-только исполни-

лось девятнадцать лет, а невесте уже побольше было — двадцать два. Вскоре родился у них сын Иван. Дальнейшая судьба его неизвестна. А спустя некоторое время от чахотки умер Фаддей Стефанович. Устинья подалась в прислуги, нанималась к богатым хозяевам в соседние деревни. Вне брака прижила ребёночка, вроде бы, как теперь говорят, мальчика, крещёного именем Георгий. Мальчик тот на свете долго не пожил, умер “от сухотки”.

Как это часто бывало в деревнях, вскоре вдовец и вдова сошлись. Впрочем, Константин Артемьевич и Устинья Артемьевна не просто сошлись, а обвенчались церковным браком. Венчал их приходской батюшка о. Василий Всесвятский, который затем окрестил всех их детей. Венчание состоялось 27 сентября 1892 года в храме села Угодский Завод, о чём в здешних церковных книгах имеется соответствующая запись.

Устинье Артемьевне в год второго венчания было двадцать девять лет, Константину Артемьевичу — сорок восемь.

Пошли совместные дети: Мария (1894), Георгий (1896) и Алексей (1899). Младший прожил всего полтора года. Случилось несчастье: ползая по дому, он опрокинул на себя посудину с кипятком. Ожог оказался смертельным.

Имя Георгий, а в просторечии Егор, Устинья выбрала в память об умершем младенце, прижитом вне брака, но дорогом её сердцу. Такой обычай в этой местности был в то время весьма распространён.

20 ноября по церковному календарю — день преподобного Григория. И когда священник назвал это имя, Устинья, как повествуют местные хроники, “решительно отвергла <его>. Оно ей было неприятно из-за сына Константина от первого брака, с которым у неё не сложились отношения”.

День же Святого Великомученика Георгия, как известно, православными празднуется 26 ноября, 9 декабря по новому стилю. Так что дата крещения младенца с днём Святого Георгия никак не совпадает. На счёт невежества священно-церковно-служителей эту историю отнести тоже нельзя, так как, по мнению местного краеведа А. И. Ульянова, “священник и дьякон были достаточно образованными, чтобы не перепутать имя святого и его простонародное искажение”^{*}.

Жили в Стрелковке, в стареньком доме с замшелой крышей и вросшим в землю углом. Кормились от земли и домашнего хозяйства, а также от ремесла Константина Артемьевича. Дорога в Москву ему была с некоторых пор заказана. “Я не знаю подробностей, — писал впоследствии маршал, — по рассказам отца, он в числе многих других рабочих после событий 1905 года был уволен и выслан из Москвы за участие в демонстрациях. С того времени и по день своей смерти в 1921 году отец безвыездно жил в деревне, занимаясь сапожным делом и крестьянскими работами”.

“Я очень любил отца, — вспоминал маршал, — и он меня баловал. Но бывали случаи, когда отец строго наказывал меня за какую-нибудь провинность и даже бил шпандырем (сапожный ремень), требуя, чтобы я просил прощения. Но я был упрям — и сколько бы он ни бил меня — терпел, но прощения не просил. Один раз он задал мне такую порку, что я убежал из дому и трое суток жил в конопле у соседа. Кроме сестры, никто не знал, где я. Мы с ней договорились, чтобы она меня не выдавала и носила мне еду. Меня всюду искали, но я хорошо замаскировался. Случайно меня обнаружила в моём убежище соседка и привела домой. Отец ещё мне добавил, но потом пожалел и простил”.

Характер — “был упрям”, “терпел, но прощения не просил” — определился ещё тогда, в детские и отроческие года.

Статью, широкой крестьянской костью он пошёл в материнский род — пилихинский. Да и упорство, воля добиваться своего, твёрдость и умение брать на себя ответственность и за поступки, и за проступки, и за порученное дело — тоже оттуда, от пилихинского корня.

Отец Константин Артемьевич, подчас не зная, как реагировать на проделки Егорика, в сердцах говорил: “В хвост и в гриву такого лущцевать!”

^{*} Ульянов А. И. Детство полковника. Малоярославец, 1996. С. 26.

Но строгость отца не заронила в душу мальчонки озлобленности на него. В воспоминаниях Жуков о нём отзывается с сыновней теплотой, в которой порой сквозит гордость. Значит, без дела отец шпандыря с гвоздя не снимал.

Ещё когда только слез с печки и в первое лето босиком побежал по деревне, старики провожали его насмешливым взглядом и говорили:

— О, дед Артём побёг! Плечистый мужик будет. Девкам — беда!..

Звали его Егориком. Потом, когда повзрослел, — Егором. Георгием ни в детстве, ни потом — никогда. Даже когда стал маршалом, и слава о нём полетела повсюду, и имя не сходило со страниц газет и журналов, книг и плакатов, когда тысячекратно повторялось по радио и в телевизионном эфире, в родной деревне его продолжали называть Егором Жуковым. Для Стрелковки и округи он всегда был и оставался своим. Дядя же впервые назовёт его по имени и отчеству, когда почувствует, что племянник входит в силу, что в нём прорезаются лучшие пилехинские черты и что, похоже, из него выходит толк.

О матери маршал вспоминал: “Мать была физически очень сильным человеком. Она легко поднимала с земли пятипудовые мешки с зерном и переносила их на значительное расстояние. Говорили, что она унаследовала физическую силу от своего отца — моего деда Артёма, который подлезал под лошадь и поднимал её или брал за хвост и одним рывком сажал на круп”.

Семейное предание хранит о могучем деде Артёме и ещё одну сказку: когда начал строиться, ездил в лес один, валил матёрые дубы, распиливал их на брёвна, соразмерные будущим стенам дома, и один укладывал их на повозку.

Разделение труда в семье Жуковых установилось так: самую тяжёлую работу выполняла мать, а отец занимался сапожным ремеслом. По всей вероятности, Константин Артемьевич страдал слабостью здоровья. Возможно, именно поэтому вынужден был покинуть Москву. А “полицейская” версия сложилась позже, когда Жукову необходимо было заполнять анкеты, писать автобиографию и соблюдать прочую осторожность в соответствии со временем. Вряд ли Константин Артемьевич служил в армии. Сведений об этом на родине в архиве фондохранилища музея маршала Жукова нет. Так что копировать “военную жилку” юному Жукову было не с кого и не с чего. Ни военного человека, ни обстоятельств, которые бы с ранних лет развивали в нём любовь или хотя бы любопытство к военному делу, рядом с ним не было и в помине.

Чтобы хоть как-то выбиться из бедности и осенью на Покров проводить детей в школу обутыми-одетыми, Устинья Артемьевна нанималась в Угодском Заводе у зажиточных хозяев и купцов возить из уездного Малоарославца и ближайшего города Серпухова бакалейные товары для лавок. За поездку ей платили рубль. Иногда накидывали сверх рубля двадцать копеек за добросовестность и расторопность. “И какая бывала радость, — писал маршал в “Воспоминаниях и размышлениях”, — когда из Малоарославца привозили нам по баранке или прянику! Если же удавалось скопить немного денег к Рождеству или Пасхе на пироги с начинкой, тогда нашим восторгам не было границ”.

Извозом занимались многие. Промысел этот был в основном женский. В Стрелковке существовала целая артель, в которую входила и Устинья Жукова. Женщины уходили в извоз примерно раз в неделю. Иногда приходилось ночевать в Малоарославце или в Серпухове, а наутро чуть свет везти товар в Угодский Завод. В дождь и слякоть, в метель и стужу. Для Устиньи такая работа была делом привычным.

Глава вторая

НИЩЕЕ, СЧАСТЛИВОЕ ДЕТСТВО

“Егор приехал, на вечеринках жди драки...”

Детскими забавами в Стрелковке были летом — Протва, зимой — Михалёвские горы.

Протва — река невеликая. Но и не ручей. Даже не речка — река. Когда в 41-м, осенью и зимой, здесь стоял фронт, вплотную придвинувшись

к Серпухову и Подольску и угрожая с севера непокорной Туле, Протва сперва серьёзно препятствовала продвижению к Москве немецких войск, а потом, когда началось контрнаступление, — нашим.

Особенность этой реки — плавное равнинное течение, песчаное дно, плёсы, заросшие раkitником и ольхами, щучьи омута. Весной она разливается так широко и вольно, что превращается в море. Поэтому на пологих и низинных местах здесь никогда не строились — затопит, унесёт. Деревни и сёла стоят в отдалении или на кручах. Почва в основном песчаная. Кругом сосновые боры, в борах — черника, земляника, костяника, грибы. В прежние времена водилось много боровой дичи: тетерева, рябчики, куропатки, перепела. На Протве и старицах — выводки диких уток.

Все окрестные жители — прекрасные пловцы.

Однажды, уже в 57-м, в Крыму во время отдыха маршал заплыл так далеко от берега, что родные заволновались. Семьи Жуковых и Пилихиных, как это не раз бывало, отдыхали на море вместе. Когда вернулся и вышел из воды, двоюродный брат Михаил Пилихин спросил:

— Далеко заплываешь. Не боишься?

— Не боюсь. Я всю жизнь заплываю далеко. Чего нам бояться? Помнишь, как Сашка нас плавать научил! На Протве самые глубокие места вдоль и поперёк по несколько раз переплывали. Нанерегонки!

Александр Пилихин, наставник братьев, их опекун, учил их плавать так. Сажал в лодку, выгребал на середину Протвы, где она поглубже и пошире, выталкивал одного и другого в воду и кричал: “Плывите к берегу!” И внимательно следил: если кто начинал “хлебать” и тонуть, ловко, как кот рыбицу, выхватывал из воды и затаскивал в лодку.

Зимой развлечением стрелковской детворы становились Михалёвские горы. Катались лыжах и на “леднях”. “Ледня” — старое, износившееся и уже не нужное в хозяйстве решето. Обмазывали его жидким коровьим навозом и морозили. Процедуру эту необходимо было выполнять неоднократно, чтобы покрытие ложилось тонкими слоями и служило потом долго. Нынешние “ледянки”, на которых дети летают со снежных и ледяных горок, всего лишь жалкое, выродившееся подобие настоящей “ледни”. Всё равно, что чайную пару кузнецовского фарфора сравнивать с одноразовой кружечкой из пищевой пластмассы...

Егорик слыл среди своих одногодков заводилой и атаманом, был не по годам силен и ловок. В драках, которые время от времени случались, решал исход “по-честному”, в драках “стенка на стенку” был надёжен и храбр.

Потом, когда начал, как говорят в деревне, “девкам на пятки наступать”, драки не прекратились — ревниво отгонял соперников от своих избранниц. Однажды на танцах стал отбивать невесту у местного почтальона. “Егор, не лезь, — предупредили друзья, — у него револьвер”. Почтальонам выдавали служебное личное оружие, так как их работа была связана с перевозкой ценностей и крупных денежных сумм. Почтальон, не отличавшийся силой, не расставался со своей “привилегией” и на гулянках. Жукова это только раззадорило. Когда началась драка, и почтальон выхватил револьвер, Жуков ловко выбил его из руки соперника и забросил в кусты. Эта безрассудная, отчаянная храбрость впоследствии проявится на фронте — и на одной войне, и на другой, и на третьей, и на четвёртой, самой большой и продолжительной.

Так что и на гулянках не уступал он первенства. За девушками ухаживал лихо и напористо. На родине до сих пор шутят: так, мол, и воевал, и когда солдатом был, и когда маршалом.

Особенно запала в душу одна...

Он в ту пору уже работал в Москве и в Стрелковку приезжал только на лето и в Рождество — погостить.

Своему редактору “Воспоминаний и размышлений” — журналисту Анне Миркиной — он рассказал однажды в порыве откровения, когда речь зашла о родине, о юности, о первых волнениях крови: “Я, когда молодым был, очень любил плясать. Красивые были девушки! Ухаживал за ними. Была там одна — Нюра Синельщикова — любовь была”.

Но это будет потом, после детства и отрочества. Крепко его тогда захватило — первая любовь. Вот и не забывалась. Когда приехал из Москвы в Стрелковку и узнал, что Нюру уже засватали, как вспоминают соседи, ходил вокруг её дома и не своим голосом кричал: “Нюрка! Что ты наделала!”

Впоследствии, уже оглядываясь на прожитое, но словно всё ещё оберегая старую рану, он подарил Нюре первое издание своих “Воспоминаний и размышлений”, где есть упоминание и о ней. На титульном листе сделал сдержанную надпись: “А. В. Синельщиковой — другу моего детства на добрую память”.

Покривил душой маршал: Нюра была не только другом детства и юности — невестой.

Отец Константин Артемьевич хоть и был строг с детьми, и лупил самого резвого и непокорного из них — Егорика — шпандырем, но хозяином в доме был, видимо, всё же никудышным. Всё держалось на двужильной Устюше. Иначе как объяснить, что в 1902 году, уже к осени, “от ветхости” обломилась прогнившие обрешётки и стропила, и крыша рухнула внутрь. Когда односельчане собрались на усадьбе Жуковых, чтобы помочь горю бедной семьи, накануне холодов вынужденной жить в сарае, выяснилось, что новые стропила на гнилых стенах поднимать бессмысленно. Пустили по кругу шапку и вскоре собрали необходимую сумму, на собранные деньги в соседнем селе купили готовый сруб. Перевезли. Дом поставили обydёнкой — за один день накидали на мох сруб, подняли стропила, обрешётки и покрыли соломой в несколько рядов.

Тот год был для семьи Жуковых самым тяжёлым. Сам маршал вспоминал его так: “Год выдался неурожайный, и своего зерна хватило только до середины декабря. Заработки отца и матери уходили на хлеб, соль и уплату долгов. Спасибо соседям, они иногда нас выручали то щами, то кашей. Такая взаимопомощь в деревнях была не исключением, а скорее традицией дружбы и солидарности русских людей, живших в тяжёлой нужде”.

Анна Ильинична Фёдорова*, старожил из Чёрной Грязи, вспоминала: “Была я маленькая, сидела на печке и видела, как Егор Жуков приходил к моему старшему брату Семёну. Они дружили. Был он из бедной семьи, ходил в рваных ботинках”.

Да, заметим мы, при отце-то сапожнике...

Та же Анна Ильинична сохранила в памяти нечто более любопытное для характеристики нашего героя. Воспоминание это относится к более позднему периоду жизни Жукова, когда он уже жил и работал в Москве, а на родину приезжал погостить. И — погулять. “Когда Жуков в юности приезжал из Москвы в Стрелковку, то в деревне говорили: “Егор приехал, на вечеринках жди драки...”

Так что характер Жукова определился рано: уже в юности в нём проявилось стремление быть первым и лучшим. Психологи установили, что “к числу наиболее часто упоминаемых личностных черт” человека, стремящегося к лидерству, “относятся: доминантность, уверенность в себе, эмоциональная уравновешенность, стрессоустойчивость, креативность, стремление к достижению поставленной цели, предприимчивость, ответственность, надёжность в выполнении задания, независимость, общительность”. Всеми этими качествами и чертами наш герой обладал. В той или иной мере.

Время от времени эта его страсть быть первым приводила к конфликтам с окружающей средой, которая порой не принимала его претензий. Известен случай, когда после очередной драки на вечеринке местные парни подкараулили его, связали и бросили в канаву с крапивой. “Вот тебе наши девки, москвич!..” В крапиве Егор пролежал до утра. Но и этот случай послужил становлению его характера. Он стал уроком, который, надо признать, будущий маршал усвоил лишь отчасти...

Однако лето для деревенской ребятни — это не только купание на реке, но и множество забот по хозяйству: грядки прополоть, воды нанести — и домашней скотине, и на полив огорода. И в лес за ягодами сходить, за гри-

* А. И. Фёдорова, 1907 года рождения.

бами, и порыбачить на реке Протве и речке Огублянке, впадавшей в Протву неподалёку, возле села Огуби — всё это развлечения можно назвать лишь отчасти. Рыба была пропитанием для семьи — без улова с речки не придёшь. Рыбу ловили корзинами. Когда стали постарше, плели вёрши, нерета и морды. Чем лучше снасть, тем богаче улов: плотва, густера, окуни, щуки, налимы, голавли, лини, иногда попадал и крупный лещ. Случалась и так, что Егор становился настоящим добытчиком и кормильцем семьи. Хранить рыбу было негде. Поймал — и на сковородку. В благодарность за щи в голодные дни, часть большого улова Егор относил соседям — делился. Особенно удачливой рыбалка случалась на речушке Огублянке — тихой старице реки Протвы.

Затем он пристрастился к охоте.

Жил в деревне Прошка по прозвищу Хромой. Он и на самом деле был хром, работал половым в придорожном трактире в Огуби. Хромой Прошка купил себе ружьё и стал ходить на охоту. Брал с собой и Егора. Они вскоре подружились, хотя Хромой Прошка летами был намного старше. Мать Прошки на крестинах держала Егора на руках перед купелью, а потом, голенького, принимала от отца Василия. Так что Хромой Прошка доводился ему почти роднёй.

Поскольку они ходили в лес вдвоём, а ружьё было всего одно, то и стрелял из него владелец — Хромой Прошка. А Егору доставалась другая работа: зимой, когда они охотились на зайцев, Егор делал загоны или распутывал заячьи малики, т. е. следы. Он искусно и умело тропил зайца. Мгновенно, только увидев след, определял, беляк это или русак. Различал концевые, жировые, гонные или взбудные следы. Понимал, что если косою сделал сётку — отпрыгнул со своего следа, “двойки” или “тройки”, далеко в сторону, — то где-то неподалёку его лёжка. Иногда зайца брали прямо на лёжке, иногда, вышугнув, улепётывающего со всех ног прочь. Иногда упускали. И тогда Егору приходилось выслеживать его, топтать снег по новому кругу. В конце лета ходили на уток: в августе на крыло становилась молодь. Выводки в хорошие годы были большими. За одну охоту добывали до дюжины крякв. Стрелял Хромой Прошка, а Егор плавал за подранками. Иногда Прошка давал выстрелить раз-другой и Егору.

Иногда на охоту шли втроём. Егор уговаривал Хромого Прошку взять с собой друга и однокашника Лёшу Колотырного. Колотырный — это прозвище. Настоящая фамилия друга была Жуков.

Пройдут годы. Пройдёт одна война, грянет за ней другая, гражданская. Коноводом у командира кавалерийского полка Жукова будет верно служить красноармеец Алексей Жуков, которого комполка по-прежнему будет звать Колотырным.

Человек родины, Жуков всегда будет окружать себя земляками, роднёй. Надёжными и добросовестными людьми, готовыми за него и в огонь, и в воду.

Запах порохового дыма мутил голову, пьянил. Страсть к охоте, в особенности утиной, Жуков сохранил на всю жизнь. Охотничьи же навыки, умение “тропить” зайца и тихо подходить к утиным выводкам пригодились очень скоро — на Первой мировой войне, где Жуков стал разведчиком.

Деньги, собранные миром на покупку сруба, Жуковым необходимо было возвращать миру. Они и возвращали — частями, как могли. Это был своего рода кредит. Беспроцентный. Община мздоимством не промышляла, хотя и забот у неё хватало, и расходов было много.

Было принято помогать своим, не оставлять в беде, выручать родных и близких, не оставлять вниманием земляка. Выросший и воспитанный деревенской общиной, родителями, роднёй в такой нравственной атмосфере, Жуков сохранил эти качества на всю жизнь, был щедр к родным и близким, заботлив по отношению к многочисленным племянникам и племянницам, гостеприимен. Родня всегда окружала его: и в московской квартире, и на даче, и даже на временных квартирах в гарнизонах. Он любил, чтобы вокруг него были родные лица, звучали интонации его родины — Стрелковщины.

На следующую осень после того, как Жуковы перебрались из сарая в новый дом, Егора и Машу собирали в школу.

Церковно-приходская школа, в которой обучались крестьянские дети из окрестных деревень, находилась в деревне Величково — вниз по течению Протвы, на полпути в сторону Чёрной Грязи. Сюда ходили учиться крестьянские дети из четырёх деревень: Лыкова, Велиčkова, Стрелковки и Огуби. Учителем в школе был сын местного батюшки Сергей Николаевич Ремизов. Местные хроники сохранили память о нём как о талантливом педагоге, посвятившем свой талант и всю жизнь крестьянским детям, их просвещению. Отец учителя, о. Николай Ремизов, “тихий и добрый старичок”, к тому времени уже бывший заштатным священником местной церкви, вёл в школе Закон Божий.

Сестра Маша в школу пошла на год раньше. Егор выучился читать и писать печатными буквами по её букварю, а потому пришёл в школу уже подготовленным. Вспоминал: “Некоторым ребятам родители купили ранцы, и они хвастались ими. Мне и Лёшке вместо ранцев сшили из холстины сумки. Я сказал матери, что сумки носят нищие, и с ней ходить в школу не буду.

— Когда мы с отцом заработаем денег, обязательно купим тебе ранец, а пока ходи с сумкой.

В школу меня вела сестра Маша. Она училась уже во втором классе. В нашем классе набралось 15 мальчиков и 13 девочек.

После знакомства с нами учитель рассадил всех по партам. Девочек посадил с левой стороны, мальчиков — с правой. Я очень хотел сидеть с Колотырным. Но учитель сказал, что вместе посадить нас нельзя, так как Лёша не знает ни одной буквы и к тому же маленький ростом. Его посадили на первую парту, а меня — на самую последнюю”.

Школу в Величкове построил здешний землевладелец князь Николай Сергеевич Голицын в 1888 году. Согласно “Правилам о церковно-приходских школах”, изданным в 1884 году, величковская школа, её духовно-нравственный тон и учителя должны были заложить добрую основу подрастающего поколения и утвердить в народной среде Православие. В день открытия школы крестьянская община преподнесла щедрому строителю и попечителю о народном просвещении две богато изукрашенные, в серебряных окладах иконы: Святого Николая и “Иисус Христос на престоле, благословляющий входящих к нему детей”. Растроганный князь тут же передал дары школе, дабы “в каждом из двух классов помещений находилась одна икона”. Князь Голицын не только выстроил здание школы, но и закупил всё необходимое для учебных занятий: мебель, классные доски, счёты, тетради, карандаши, перья, чернила и чернильницы, книги, предусмотренные программой, словом, всё “в потребном количестве”. Он же взял на себя расходы на выплату жалования учителям и все текущие надобности. Школа князя Голицына в Величкове была лучшей в уезде и считалась образцовой.

Егор учился хорошо. Все предметы ему давались легко, поэтому оставалось время и на проказы. Марья Ивановна Крюкова, учившаяся с Егором в одном классе, рассказывала, что она с подружкой сидела впереди, а Егор, сидевший сзади, “озорничал”. У девочки были длинные густые косы, и Егор прямо во время урока цеплял на её косы репей. Неравнодушен он был и к её подружке: когда шли из школы домой в Стрелковку, он донимал репьями обеих.

Впрочем, земляки великого полководца любят пошучивать, что когда слава маршала Победы, уже очищенная от наветов, зависти и опасной хулы, докатилась до его родных мест, многие окрестные старухи стали рассказывать самые подлинные истории о том, как Егор в своё время не смог добиться их благосклонности...

Первый класс Маша окончила с трудом. Сестра в учении оказалась слабой. Её оставили на второй год. Родители тут же сказали: хватит попусту лапти рвать, в домашнем хозяйстве от девочки пользы будет больше. Маша разрыдалась. Егор вступился за сестру. Сказал, что не Маша виновата в том, что отстала в учёбе, а то, что ей приходилось пропускать много занятий, чтобы заниматься домашними делами, пока мать была в извозе. При этом показал такой напор и умение стоять на своём, что родители усту-

пили. С тех пор они учились в одном классе. Егор всегда помогал сестре, если у неё что-то не получалось, и никому не давал её в обиду.

Всю жизнь он опекал старшую сестру, помогал ей, устраивал учиться племянников. Но об этом — в свой черёд.

Учитель Жукова Сергей Николаевич Ремизов принадлежал к тому типу русских подвижников, которых призвало время заветов и назиданий Константина Победоносцева и острой критики современной жизни Льва Толстого. Родился он в Угодском Заводе в семье священника. В тот год, когда в Величково из Стрелковки с холщовой сумкой через плечо пришёл в первый класс Егор Жуков, учителю исполнилось сорок лет. Педагогический стаж к тому времени был уже двадцать два года. Он окончил курсы Калужского духовного училища и сразу же был определён во вновь построенную школу в Величково. Его неоднократно поощряли от Малоярославецкого уездного училищного совета “за усердное отношение к школьному делу”. Был он отмечен и Синодом: “за ревность в наставлении детей в вере” получил наградную Библию. Впоследствии окончил педагогические курсы в Калуге. Это была личность незаурядная, цельная. Можно уверенно предположить, что на становление будущего полководца его уроки, общение с ним, его наставления оказали огромное влияние. Счастье для человека, когда в ранние лета ему попадётся такой учитель и наставник. Он пристрастил Егора к чтению. Настоял, чтобы тот пел в церковном хоре. Книги стали частью жизни Егора, надёжными воспитателями и ангелами-хранителями его души. Жуков всю жизнь делал себя сам. И в этом его *делания* самыми верными помощниками были книги.

В последние годы жизни Сергей Николаевич Ремизов обратился к Богу. В заброшенной часовне в Угодском Заводе уже в советские годы он собирал детей и беседовал с ними на духовно-нравственные темы. Умер старый учитель в 1926 году, никем не преследуемый, но и всеми забытый.

В 1964 году маршал приехал на родину, посетил могилу отца. И долго искал могилу учителя, но не нашёл её. Своим спутникам сказал с грустью:

— Есть у меня в жизни долг неоплаченный. Долг памяти первому учителю — Сергею Николаевичу Ремизову. Прекрасный был педагог. А главное — человек светлый, порядочный.

В первом отделении (классе) Жуков изучал объяснительное чтение, письмо, арифметику, Закон Божий, который в первый год обучения начинался “Священной историей” от Сотворения мира до Вознесения Христова; кроме того, от учеников требовалось знание наизусть шестнадцати молитв.

В два следующих года дети постигали Катехизис, Символ Веры, чино-последование Богослужения с обязательным посещением храма и участием в службе. Кроме духовных предметов, во втором отделении (классе) школьники осваивали чистописание, письменные упражнения, русское чтение.

Кроме обязательных предметов, ученик самостоятельно должен был прочитать сверх программы двести книг — произведений русских писателей, рекомендованных Министерством народного просвещения.

В 1906 году Жуков успешно окончил полный курс трёхклассной церковно-приходской школы. Учитель Сергей Николаевич Ремизов вручил выпускнику Похвальный лист за окончание школы с отличием и напутствовал его самыми добрыми словами.

После окончания школы отец подарил Егору новые сапоги, мать сшила новую рубаху. Подарки были не праздными — парня собирали в Москву. Родители понимали: пора парню учиться не книжной науке, а той, которая давала бы кусок хлеба, — мастерству. Привязывать к земле Егора не хотели: смыслённый, ловкий в любом деле, заводила и атаман — такой и в Москве не пропадёт. Но в Москву его сразу после начальной школы, когда ему исполнилось только неполных двенадцать лет, всё же не отправили. Почему — неизвестно. Возраст уже позволял оторваться от дома и стать подмастерьем хотя бы в уездном Малоярославце. Кстати, городок славился мастерами-хлебобопёками и скорняками, их продукция отправлялась в Москву. Благо, что туда через Малоярославец лежала прямая, как стрела, дорога — знаменитое Варшавское шоссе.

Пока Егор учился грамоте и Закону Божию в Величкове, Россию потрясли два урагана: русско-японская война (1904–1905) и первая русская революция (1905–1907). Империя устояла, но сроки её существования исчислялись уже немногими годами.

Местные хроники отмечали следующее: “События, происходившие тогда в городской России, мало затронули Стрелковщину. Выборгское воззвание политизированной интеллигенции, обратившейся с призывом к народу начать кампанию гражданского неповиновения из-за роспуска Госдумы, оставило народ равнодушным. На повседневной жизни крестьян политическая борьба, как казалось здешним жителям, никак не отражалась. Столыпинская реформа в Стрелковщине и в целом в Калужской губернии провалилась. Мужики не хотели выходить из общины и угрожали “красным петухом” всем, кто попытается из неё выделиться. Привычный уклад жизни Огубской общины выдержал напор новых веяний — хутора здесь не возникли. Несмотря на смутное время, не знали в крае и политического террора. Только в нижних по течению Протвы волостях эсеры пытались смутить народ, дрались в пьяном виде со своими противниками и грабили “во имя светлых идеалов”. Впрочем, и это случалось довольно редко”*

В 1908 году в Чёрную Грязь навесить родину и родню приехал из Москвы брат Устиныи Артемьевны Михаил Артемьевич Пилихин. Вот тут-то и начала жизнь-река ломать своё привычное течение и буровить в материке новую излучину.

Михаил Артемьевич Пилихин к тому времени не просто обжился в Москве, а по-настоящему разбогател. Кстати, дядю Егора, этого самого Михаила Артемьевича, отдали в подмастерья одиннадцати лет. И вот он — мастер-меховщик высочайшего класса, при богатых и солидных клиентах и заказчиках, владелец меховой мастерской в самом центре Москвы на Кузнецком мосту и собственного магазина мехов и изделий из кожи. Из Чёрной, как говорится, Грязи калужской — да на Кузнецкий мост!

Приехал Михаил Артемьевич к сестре в Стрелковку, посмотрел на бедность родни, поинтересовался хозяйством, видами на урожай. Всё кругом выглядело тоскливым, и тоска та казалась беспросветной и бесконечной. Увидел племянника — крепкого, с умным внимательным взглядом, с достоинством в движениях. В лице, посадке головы и коренастой фигуре чувствовалась пилихинская порода. Волевой подбородок с ямочкой. Смекнул — из парня выйдет толк. Но в деревне — пропадёт.

— Ну, вот что, Устя, — сказал он, кивнув на Егора. — Племянника я забираю.

Константину Артемьевичу в тот раз шурьяк* руки не подал. Разговаривал с сестрой и Егором.

Решение Михаила Артемьевича и обрадовало Жуковых, и печалило одновременно. Наконец-то у сына забрезжило будущее, да и не в чужие люди уходил, а к родному дяде, к выгодному делу, к денежному ремеслу, с которым жизнь можно устроить куда как лучше, чем здесь, в бедной нищающей деревне. С другой стороны — на одни рабочие руки в семье становилось меньше. Да и жалко от себя отпускать...

Закончилось деревенское детство Егора Жукова с его радостями и развлечениями на Протве, с рыбалкой, покосами и охотами на зайцев и уток. Со стремительными гонками на замороженных “леднях” на Михалёвских горках, с девичьим смехом и шёпотом возле соседских калиток...

Всё уходило в прошлое, откочёвывало, удалялось и исчезало, как последняя льдина на Протве во время разлива.

Река текла своим вековечным правильным током — от истоков своих к устьям. Исток отдалялся. Устья...

Об устьях наш герой ещё не думал — они казались до нереальности далёкими.

* Ульянов А. И. Детство полковника. Малоярославец, 1996. С. 69–70.

** Производное, местное, калужское от — “шурин”. Шурин — брат жены.

Глава третья

МОСКВА

“Жуков быстро становился городским человеком...”

Одна из двоюродных сестёр по материнской линии — Анна Михайловна Пилихина, — прожившая девяносто шесть лет и до конца своих дней не бросившая огород и небольшое хозяйство на родной земле в Чёрной Грязи, вспоминала: “Если бы не наш отец, малограмотный, но предприимчивый скорняк Михаил Артемьевич Пилихин, то мой двоюродный брат Егор Жуков пас бы в Стрелковке гусей... В нашей московской квартире Егор все годы жил, как равноправный член нашей семьи. Равняясь на моего старшего брата Александра, Жуков быстро становился городским человеком. Александр родился в 1894 году и был, таким образом, старше Егора на два года”.

Расставание с родиной было нелёгким. Родители, сестра, закадычный друг Лёша Колотырный...

— Ничего, племянш, — похлопал его по плечу дядя Михаил Артемьевич, — на Пасху приедешь повидаться. Московских гостинцев им привезёшь. Ещё пуще любить и ждать будут. Помяни моё слово.

Слово у дяди было твёрдым, как шип в подошве. Сказал — сделал.

— Жить будешь с нами. В семье. Работать не ленись. Твоё дело какое? Слушаться и выполнять всё, что прикажут.

Пилихины занимали второй этаж просторного дома, где у них была и мастерская, и жилые комнаты. Теперь в этом здании, значительно перестроенном и расширенном, находится магазин “Педагогическая книга”. Здесь же был и магазин. Чуть позже оборотистый Михаил Артемьевич поднакопил силёнок и приобрёл двухэтажный деревянный дом в Брюсовом переулке. Дела у него шли в гору: производство потихоньку расширялось, клиентов становилось всё больше.

Жуков жил в семье Пилихиных. В Москве, в новой городской обстановке он освоился быстро. Шумное московское многолюдье ему нравилось. На первые заработки он купил себе приличную одежду. Умел сэкономить лишнюю копейку, зная, что дома, в Стрелковке, каждому грошику, присланному им, будут рады.

Никаких поблажек в доме и в мастерской дяди Жукову не было. Вначале ходил он в мальчиках на побегушках: подметал и мыл полы в квартире и в мастерских, надраивал хозяйские сапоги, бегал за табаком и водкой для мастеров, ставил и разводил самовар, мыл посуду, зажигал лампы у икон. Одним словом — “что прикажут”. Присматривался и к основному делу. Старшая мастерица Матрёша, она же артельная кухарка, вскоре подарила ему напёрсток, дала иглу с ниткой и показала, как сшивать мех. Она же преподавала первый и весьма жёсткий урок поведения за столом. Сам маршал вспоминал ту историю так: “Кузьма, старший мальчик, позвал меня на кухню обедать. Я здорово проголодался и с аппетитом принялся за еду. Но тут случился со мной непредвиденный казус. Я не знал существовавшего порядка, по которому вначале из общего большого блюда едят только щи без мяса, а под конец, когда старшая мастерица постучит по блюду, можно взять кусочек мяса. Сразу выловил пару кусочков мяса, с удовольствием их проглотил и уже начал вылавливать третий, как неожиданно получил ложкой по лбу, да такой удар, что сразу образовалась шишка”.

Если к этому жестокому уроку прибавить то, что, когда Егор запрыгнул у вокзала на конку, один из пассажиров его каблуком задел по носу и из носа у парня потекла кровь, то Москва Жукова встретила явно неприветливо.

Из воспоминаний двоюродного брата Жукова Михаила Пилихина-младшего: “Мать Егора Жукова в 1908 году... отправила его в Москву к моему отцу... в учение меховому искусству на четыре года. В это время мой отец с семьёй проживал в Камергерском переулке, где он снимал квартиру, в которой находилась скорняжная мастерская. Имел трёх мастеров и трёх маль-

чиков-учеников. В этот год осенью привезли к дяде учиться скорняжному искусству и Егора Жукова.

В конце 1908 года дом был назначен на ремонт. Отец снял квартиру в Брюсовском переулке. В мастерской Пилихина работы всё прибавлялось. Крупные меховые фирмы и знаменитые мастерские женского верхнего платья Ламоновой, Винницкой, другие мастерские давали много заказов. Сезон скорняжного дела начинался с июля. С 20 декабря все мастера уезжали по своим деревням на Рождество, а возвращались 10–15 января. Каждый ученик был прикреплен к мастеру, который и обучал его. Мастера приходили к семи часам. Ученикам входило в обязанность подготовить к приходу мастеров рабочие места, а по окончании работы подмести мастерскую и всё убрать.

К приходу мастеров мы ставили самовар и готовили всё к завтраку. Все мастера находились на хозяйских харчах — завтракали, обедали, ужинали. Это было лучше для производства, и мастерам было лучше: они хорошо покушают и отдохнут. А если они будут ходить в чайную, там выпивать и только закусывать, то полуголодные будут возвращаться уже навеселе. Они были бы малопродуктивными работниками.

Егор Жуков очень усердно изучал скорняжное искусство и был всегда обязательным и исполнительным. После двух лет работы в мастерской дядя взял его в магазин, он и там проявил себя исполнительным и аккуратным. Егор с большим любопытством ко всему присматривался и изучал, как надо обслуживать покупателей, там служил и старший брат Александр, который Егору помогал всё это освоить. А я работал младшим учеником. В 1911 году, когда Егору исполнилось 15 лет, его стали называть Георгий Константинович”.

По всей вероятности, Егор заслужил похвалу и признание дяди, за что тот и повеличал его. Тогда его мастерство признали все, работавшие в пилихинской мастерской, и стали называть по имени и отчеству.

В своих мемуарах Жуков нелестно отзываясь о дяде Михаиле Артемьевиче Пилихине.

Но это можно отнести на счёт идеологии, безраздельно царствовавшей тогда. Мемуары главного маршала Победы должны были выйти к читателю политически правильными, идеологически выдержанными. Вот и расставлялись нужные акценты: раз собственник, владелец производства, да к тому же ещё и торговец, то — эксплуататор и стяжатель. Мало ли что родной дядя и благодетель, помогший выбраться из нищеты, освоить хорошую профессию, наставивший на путь истинный. Чтобы себя показать, можно и дядю родного не пожалеть...

Двоюродная сестра на это бросила ему короткий, но справедливый упрек: если бы, мол, не наш отец, то пасти бы Егорке Жукову гусей в родной и беспросветной глухомани.

“Первое время я очень скучал по деревне и дому, — вспоминал начало своей скорнячко-московской одиссеи маршал. — Я вспоминал милые и близкие сердцу рощи и перелески, где так любил бродить с Прохором на охоте, ходить с сестрой за ягодами, грибами, хворостом. У меня сжималось сердце и хотелось плакать. Я думал, что никогда уже больше не увижу мать, отца, сестру и товарищей. Домой на побывку мальчиков отпускали только на четвертом году, и мне казалось, что время это никогда не наступит”.

Двоюродные братья дружили, как родные: во всём друг другу помогали, выручали в сложных обстоятельствах, особенно перед отцом и дядей. Вместе осваивали скорняжное дело и искусство торговли, вместе развлекались и учились. Александр хорошо знал немецкий язык и учил Георгия, давал ему регулярные уроки. В свободное время гуляли по Москве. Стали захаживать и в книжные лавки, покупали книжки. Кроме учебников, приобретали дешёвые переводные издания приключений лондонского сыщика Шерлока Холмса и американского его собрата Ника Картера.

Чтение для Георгия давно, ещё в Стрелковке, стало любимым занятием. Но в деревне книг было мало. А тут столица открыла перед ним свои кладовые... Ещё когда ходил в школу в Величкове, учитель Сергей Николаевич Ремизов время от времени давал ему что-нибудь почитать из своей библиотеки. А потом, когда Егор всё возможное и посильное для его возраста пе-

речитал, посоветовал своему старательному и жадному до чтения ученику: “Вот окончишь школу, подрастёшь и поедешь в Москву. Там устроишься учеником в типографию, станешь мастером-печатником. Вот уже где книги вольные будут!”

Но родители и дядя лучше знали, как устроить его будущее. А книги никуда не ушли...

Иногда Александр приносил такую книгу, смысл которой осилить было непросто. И Жуков понял, что знаний, образования ему не хватает для того, чтобы мыслить и понимать мир шире и глубже. Детективы и приключенческие книги ему вскоре наскучили, и они с Александром принялись за учебники математики, русского языка и географии. На полке у Жукова появились научно-популярные книги, описания путешествий и природных явлений, справочники.

Хозяин, наблюдая за увлечениями детей и их тягой к знаниям, сдержанно поощрял их.

Вскоре Жуков поступил на вечерние общеобразовательные курсы. Курсы “давали образование в объёме городского училища”. Сочетать работу и учёбу было непросто: “...уроки приходилось готовить ночью на полатах, около уборной, где горела дежурная лампочка десятка в два свечей”.

В воскресные дни и по великим праздникам Михаил Артемьевич призывал своим домашним одеваться по-воскресному и вёл всех в церковь отстоять службу. Приходской храм Воскресения Словущего стоял неподалёку. В нём был довольно хороший хор. Дядя, по воспоминаниям Жукова, в буквальном смысле приходил в состояние восторга и священного трепета, слушая церковное пение. После службы был хороший обед. После обеда глава семьи отпускал всех на волю. Если случалось особо хорошее настроение, мог подарить по серебряному николаевскому полтинничку. Братья, предоставленные сами себе, обычно отправлялись на прогулку в город.

Михаил Пилихин-младший вспоминал: “В 1911 году отец взял меня из школы на своё предприятие в ученики на четыре года на тех же основаниях, как и других учеников.

Георгий Жуков взял надо мной шефство, знакомил меня с обязанностями, в основном — убирать помещения, ходить в лавочку за продуктами, ставить к обеду самовар. А иногда мы с Георгием упаковывали товары в короба и носили в контору для отправки по железной дороге. Во время упаковки товара Георгий, бывало, покрикивал на меня, и даже иногда я получал от него подзатыльник. Но я в долгу не оставался, давал ему сдачи и убегал, так как он мог наподдать мне ещё. За меня заступался мой старший брат Александр, он был одногодок с Георгием. А в основном жили очень дружно...

В воскресные дни отец брал нас в Кремль, в Успенский собор. Он всегда проходил к алтарю, где находился синодальный хор, который состоял почти исключительно из мальчиков. Отец очень любил слушать пение этого хора. Нас он оставлял у выхода из собора, так как мы, малыши, не могли пройти сквозь толпу к алтарю. Отец уходил к алтарю, и мы уходили из собора, бродили по Кремлю. А когда в конце службы звонили в колокол к молитве “Отче наш”, мы быстро возвращались к входу в собор и все вместе шли домой. Синодальным хором дирижировал Николай Семёнович Голованов, впоследствии главный дирижёр Большого театра. Мой отец с Н. С. Головановым и его женой Антониной Васильевной Неждановой, знаменитой певицей, был хорошо знаком, и, когда мой отец умер в декабре 1922 года, Н. С. Голованов с синодальным хором принял участие в похоронах”.

По всей вероятности, дружба семьи музыкантов и артистов и меховщика происходила не только из душевной близости — регент хора и певица были заказчиками у Пилихина-старшего. Клиентами, что и говорить, у расторопного Михаила Артемьевича были люди знатные.

“В воскресные дни мы во дворе играли в футбол, — вспоминает Михаил Пилихин-младший, — мячом служила нам старая шапка, набитая бумагой. Играли в городки, в бабки, в лапту с мячом. В те времена игры эти были в большом почёте. В ненастные дни, когда отца не было дома, мы играли в прятки или в футбол в проходной комнате, “воротами” служили нам две-

ри. Мы так возились, что соседи с первого этажа приходили с жалобами, у них с потолка сыпалась штукатурка. В дальнейшем нам были запрещены навсегда игры в комнате. Мы тогда стали собираться на кухне и играть в карты — в “21 очко”. Играли на старые пуговицы, мы собирали их во дворе, их выкидывал сосед — военный портной...”

1911 год...

В августе в Москве был основан профессиональный футбольный клуб ЦСКА.

В сентябре началась итало-турецкая война. Итальянский морской десант высадился в Триполитании, затем захватил Тобрук в Киренаике и Бенгази.

В Китае была свергнута династия Цин и провозглашена Республика.

Германия и Франция делили свои колонии во Французском Камеруне и Германском Конго.

В сентябре в Киевской опере был убит российский премьер-министр Пётр Аркадьевич Столыпин.

Все эти события в той или иной мере совсем скоро повлияют на судьбу нашего героя, а на некоторых фигурантов, перечисленных выше, повлияет и он. А пока Жуков с братьями гонял по двору набитую бумагой старую шапку и резался на кухне в “двадцать одно”.

Азартного картёжника из Жукова не вышло. Страстишку пресёк главный домашний педагог и воспитатель Михаил Артемьевич. Однажды хозяин вошёл в комнату сыновей, когда те азартно резались в карты. Дядя ловко поймал племянника за ухо и сказал:

— Не там, не там твои червонцы рассыпаны, Георгий Константиныч...

Ухо потом долго горело огнём. К картам — как отрезало — больше не притронулся.

Через сорок лет, в 1954 году, наставляя своего племянника — сына сестры Марии Константиновны, к тому времени лейтенанта Виктора Фокина, — он скажет: “Лёгких путей в жизни нет. Дорогу надо пробивать своим лбом”. В 1944 году он устроил младшего сына сестры в Горьковское Суворовское училище. Затем, когда самого его сослали после Одессы командовать Уральским военным округом, он разыскал племянника, и тот какое-то время жил в семье маршала в Свердловске. Пилихинское, врождённое и воспитанное годами терпеливых наставлений, а порой и принуждением, угнездилось в нём прочно: если сам выбился в люди, не забывай о родне.

В 1912 году Жуков окончил полный курс учёбы. В автобиографии, написанной им для личного дела в 1938 году, Жуков уточнял: “Образование низшее. Учился 3 года до 1907 г<ода> в церковно-приходской школе в дер<евне> Величково Угодско-Заводского района Московской области и 5 месяцев учился на вечерних курсах при городской школе в Москве, в Газетном переулке. Не было средств учиться дальше — отдали учиться скорняжному делу. За 4-й класс городского училища сдал экстерном при 1-х Рязанских кавкурсах ст<анции> Старожилово РУЖД в 1920 г<оду>.”

Странное дело, о том, что он учился на вечерних курсах в Москве, совмещая учёбу с работой в мастерской и в магазине, Жуков не написал и во время призыва в армию в 1915 году.

Дядя Михаил Артемьевич успехи племянника поощрил некоторой суммой денег сверх причитающегося жалования, а также подарком в виде костюма-тройки, двух пальто — демисезонного и зимнего на меху с каракулевым воротником, — пары ботинок и комплекта белья.

Отблагодарив дядюшку за щедрые дары, он тут же укатил на Протву в Стрелковку, чтобы показаться на родине настоящим московским франтом.

Так и произошло. Отпуск, пожалованный Михаилом Артемьевичем, Жуков провёл в Стрелковке и Чёрной Грязи. Гостил, помогал по хозяйству и лихо отплясывал на вечеринках, с жаром заглядывая в девичьи глаза.

По возвращении в Москву снова встал за прилавок. Дядя положил ему жалованья десять рублей в месяц, притом, что жил и столовался Жуков по-прежнему в гостеприимной семье Пилихиных.

Умный человек был дядюшка Михаил Артемьевич Пилихин. Цельная натура, и скуповатая, и щедрая одновременно. Настоящий русский человек.

Крепкий корень, который поднимал и держал, дальше её поднимая и поднимая, такую обширную крону большого и разветвлённого семейства. Невозможно удержать себя от сравнения с нынешними купцами и дельцами, арендующими конторы на Кузнецком мосту и в Брюсовом переулке. Невозможно представить, чтобы они вот так, семейно, шли в Кремль или на службу в ближайших приходской храм. Всё по островам да по нищам, по закрытым клубам и значным местам...

Десять рублей в месяц — это, по тем временам и ценам, весьма и весьма хорошее жалование. Средний москвич считал счастьем жить на 1 рубль в день. У Жукова получалось в три раза меньше, но ведь и стол, и кров были бесплатными.

Фунт муки стоил 6 копеек; десяток яиц — 44 копейки; фунт шведской сёмги — 90 копеек. А вот снять квартиру о двух-трёх комнатах стоило недорого — 40–50 рублей в месяц. Билет на концерт знаменитости — от одного рубля до десяти, дешёвые книжки стоили копейки. На них-то и тратил Жуков часть своего жалования.

Он, конечно же, понимал своё счастье. Но, видимо, знал и другое: к примеру, офицер получал около двух тысяч рублей в месяц. Офицеры были частыми и выгодными заказчиками у дяди. Расплачивались всегда щедро и лихо, оставляя хорошие чаевые. Особенно ему нравились кавалеристы — длинные шинели, ремни, шашка на узкой португее, шпоры, которые при ходьбе позванивали...

В это время Жуков с братьями часто ходил в театр, на концерты. Посещали юноши и кино. В Москве к тому времени уже было много кинотеатров. Михаил Артемьевич отпускал сыновей на сеансы синема со спокойным сердцем, зная, что никакого непотребства они там не увидят: ещё в 1908 году Московским градоначальником генералом Джунковским был издан запрет на показ в кинотеатрах фильмов “парижского жанра” — “фривольных или порнографических по содержанию”.

“На четвёртом году учения”, как отмечают биографы маршала Победы, Михаил Артемьевич взял Георгия с собой на торговую ярмарку в Нижний Новгород. Там расторопный в этих делах дядюшка снял на время ярмарки торговую лавку и успешно вёл оптовую торговлю. Обязанностью Жукова была упаковка проданного товара и отправка его на пристань для дальнейшей транспортировки по назначению. Часть грузов шла по железной дороге. Эти контейнеры Жуков сопровождал и оформлял в железнодорожной товарной конторе. Такого хваткого и надёжного помощника Михаил Артемьевич подбирал для своего дела давно. И вот, кажется, выучил из своих, поднял, можно сказать, из гусиного помёта, как говорили в Чёрной Грязи. Свои-то, загадывал наперёд Михаил Артемьевич, — ни Сашка, ни другой — не годятся. А этот — хваткий и характер имеет. Этот дела не упустит.

В своих мемуарах маршал рассказал об этом периоде своей жизни так: “На четвертом году ученья меня, как физически более крепкого мальчика, взяли в Нижний Новгород на знаменитую ярмарку, где хозяин снял себе лавку для оптовой торговли мехами. К тому времени он сильно разбогател, завязал крупные связи в торговом мире и стал ещё жаднее”.

Нижегородская ярмарка, её изобилие и щедрость, разноликий людской поток и ходкая торговля поразили впечатлительного Жукова. Восхитила Волга. “До этого я не знал рек шире и полноводнее Протвы и Москвы. Это было ранним утром, и Волга вся искрилась в лучах восходящего солнца. Я смотрел на неё и не мог оторвать восхищённого взгляда”.

Чувство прекрасного, воспитанное в чуткой душе Егора в детстве на Протве, среди живописных пейзажей родины, озарило картину величественной Волги тем отражённым светом, который не погаснет в нём никогда. И не случайно он снова вспыхнет в мемуарах, пусть и лаконичным эпизодом. Ведь “Воспоминания и размышления” написаны не художником и не поэтом, а солдатом.

Мария Георгиевна Жукова в книге “Маршал Жуков — мой отец” писала: “Когда мне было лет тринадцать, отец послал меня в поездку на теплоходе по Волге и по возвращении домой задал вопрос: “Расскажи, Машень-

ка, как тебе Волга понравилась?” И был рад, что “понравилась, о-о-очень”.

В том же году Жуков отправился и на другую ярмарку — в городок Урюпино в область Войска Донского, но не с дядей, а с приказчиком Василием Даниловым, по воспоминаниям Жукова, “человеком жестоким и злым”. Урюпинская ярмарка Жукову не понравилась: “Урюпино был довольно грязный городишко, и ярмарка там по своим масштабам была невелика”.

Но впечатление об урюпинской поездке испортило совсем другое.

На ярмарку с ними поехал четырнадцатилетний мальчик, ходивший в ту пору в подчинении у Жукова как у старшего. Приказчик Василий Данилов невзлюбил мальчика и по каждому поводу и без повода “с какой-то садистской страстью” избивал его. Тот в слезах жаловался Егору. Егор несколько раз пытался разговаривать с приказчиком, чтобы унять его пыл. Но разговоры на самодура не действовали. И тогда Жуков, улучив момент, когда тот в очередной раз замахнулся, чтобы ударить мальчика, схватил ковырок* “и со всего размаха ударил его по голове. От этого удара, — вспоминал маршал, — он упал и потерял сознание. Я испугался, думал, что убил его, и убежал из лавки. Однако всё обошлось благополучно. Когда мы возвратились в Москву, он пожаловался хозяину. Хозяин, не вникая в суть дела, жестоко избил меня”.

Видимо, именно этот поступок Михаила Артемьевича — несправедливость, усугублённая мордобоем, — и определил главное воспоминание о нём: навсегда засела заноза в подсознание юноши, с малых лет одарённого не только умом, смекалкой и трудолюбием, но ещё и чувством собственного достоинства.

1912 год принёс трагедию океанского лайнера “Титаник” в северной Атлантике, Ленский расстрел рабочих на золотonosном прииске. Болгария и Сербия, готовясь к войне с Турцией, объявили мобилизацию, Черногория объявила туркам войну. Атмосфера на Балканах накалялась.

В 1913 году Бельгия приняла закон о всеобщей воинской обязанности, Франция — об обязательной трёхлетней воинской службе. В Лондоне был подписан мирный договор между Болгарией и Турцией. Вскоре после этого болгарская армия атаковала греческие позиции, а Россия объявила войну Болгарии. Сербские войска вторглись в Албанию. В соответствии с совместной декларацией России и Китая Внешняя Монголия получила статус автономии под юрисдикцией Китая. В Мексике вспыхнула гражданская война.

Братья читали газеты, обменивались размышлениями и догадками — официальные сообщения были полны недомолвок — и приходили к выводу, что в скором времени в войну вступит и Россия. Но не в Болгарии. Волна патриотической агитации, разлитая в обществе, захватывала и молодёжь.

Новый, 1914 год развязал все узлы — началась Первая мировая война.

Австро-Венгрия объявила мобилизацию и придвинула свои войска к границе с Россией. Россия объявила мобилизацию и начала стягивать войска к западным рубежам. Германия объявила войну России. Россия вторглась в Восточную Пруссию. Англия объявила войну Германии, Австро-Венгрия — России, Сербия и Черногория — Германии, Франция — Австро-Венгрии, Япония — Германии, Австро-Венгрия — Бельгии, Россия, Франция и Англия — Турции. Англичане высадились во Франции и атаковали германский флот у Фолклендских островов. В Европу прибыли Канадский и Австралийский экспедиционные корпуса.

Снежный ком стремительно разрастался...

В Москве на призывных пунктах шла запись добровольцев. Газеты сообщали о сражениях с германскими войсками при Гумбиннене, о тяжёлых боях в Мазурских болотах. На Австро-Венгерском фронте разворачивалась Люблин-Холмская операция.

Осенью 1914 года в одном из армейских эшелонов на фронт уехал Александр Пилихин. На войну он отправился добровольцем — ратником ополчения 1-го разряда. В эту категорию призывников входили лица мужского по-

* Ковырок — дубовая палка для упаковки, слегка изогнутая на конце для того, чтобы потуже стягивать шнур или верёвку.

ла в возрасте от 20 до 38 лет. В связи с военными действиями призывной возраст снизили до 19 лет.

До мобилизации русская армия насчитывала 1 млн 423 000 человек. В ходе войны призвали ещё 13 млн 700 человек. Россия была страной крестьянской, так что в солдаты шли в основном из деревень, от сохи. Призывали, соблюдая следующую пропорцию: от каждой тысячи (без различия возраста и пола) под “красну шапку” стригли 112 человек здоровых мужчин в возрасте 19–38 лет. В деревне: от 100 дворов — 60 мужиков. В результате мобилизации больше половины крестьянских хозяйств остались без самых эффективных работников.

Записываясь в государственное ополчение, Александр уговаривал пойти вместе с ним и Георгия, но тот отказался. Правда, вначале тоже было загорелся пойти на призывной пункт вместе с братом, а в последний момент решил посоветоваться со старшим мастером Фёдором Ивановичем, которого все в мастерской уважали за рассудительность и мудрость и который читал и растолковывал им газеты. Старик выслушал Жукова и сказал:

— Что Сашка на войну рвётся, мне понятно. У него отец богатый. Ему есть что защищать. А коли ты вернёшься калекой — кому будешь нужен? Ещё одна обуза матери?

И Александр ушёл на призывной пункт один.

Но судьбу не обойдёшь и, как говорили в Стрелковке, на кривых оглоблях не объедешь...

Жуков вскоре всё же ушёл из дома дядюшки на съёмную квартиру. Без Александра в доме Пилихиных стало скучно и мрачно.

Из воспоминаний маршала: “В то время я по-прежнему работал в мастерской, но жил уже на частной квартире в Охотном ряду, против теперешней гостиницы “Москва”. Снимал за три рубля в месяц койку у вдовы Мальшевой. Дочь её Марию я полюбил, и мы решили пожениться. Но война, как это всегда бывает, спутала все наши надежды и расчёты. В связи с большими потерями на фронте в мае 1915 года был произведён досрочный призыв молодёжи рождения 1895 года. Шли на войну юноши, ещё не достигшие двадцатилетнего возраста. Подходила и моя очередь”.

Тысяча девятьсот пятнадцатый год резко изменил жизнь и судьбу нашего героя. Жукову пошёл девятнадцатый год — он вступал в призывной возраст.

Александр был уже в действующей армии. Изредка присылал письма. О боевых действиях брат почти ничего не сообщал. В одном из писем написал: “Я, сын своей Родины, не мог оставаться без участия...”

Сердце Георгия дрогнуло, когда он прочитал эти слова.

Судьба старшего брата Александра Михайловича Пилихина будет короткой: на фронте он получил несколько ранений, последнее — тяжёлое. На санитарном поезде его эвакуировали в тыл. В госпитале он лежал в Москве, из госпиталя вышел инвалидом и вернулся к отцу. В феврале 1918 года он вступил добровольцем в Красную армию. Его полк вскоре оказался под Царицыном, в самом пекле. Там он и погиб в одном из первых боёв.

Весной по Москве прокатилась волна погромов против “немецкого засилья”. В Зарядье, на Варварке и в других местах, где изобиловали “венские” булочные и “немецкие” колбасные лавки, со звоном осыпались витрины. Патриотического порыва бушующей “народной” толпы порой хватало только на то, чтобы разграбить немецкую лавку или растащить мелкооптовый склад с товаром.

Погромы во многом провоцировало правительство Николая II. В начале февраля были приняты законы “о правах подданных воюющих с Россией государств на недвижимое имущество”. Один из этих законов касался лиц, состоящих подданными Австро-Венгрии, Германии и Турции, и указывал, что им воспрещается “и притом навсегда, приобретение каких бы то ни было прав на недвижимое имущество на пространстве всей Империи, включая и Финляндию”. Временные ограничения, введённые ранее, отныне становились постоянными: подданные воюющих с Россией государств могли лишь нанимать квартиры, дома и другие помещения, так как наём недвижимости

по закону допускался только на определённый срок. Им также “запрещалось заведовать недвижимым имуществом в качестве поверенных или управляющих, состоять на службе в акционерных обществах и товариществах, обладающих правом приобретения недвижимых имуществ, занимать должности председателей, членов правления или совета и отмечалось, что эти лица не могут быть представителями и даже обыкновенными служащими”.

Война питается деньгами, а увеселяется кровью. Летом 1915 года вышел указ о досрочной мобилизации лиц 1896 года рождения.

Дядюшка Михаил Артемьевич прочитал извещение в газете, махнул рукой и сунул скомканную газету племяншу в руки:

— Это, Георгий Константинович, по твою душу. Государь твой год под ружьё поставить решил. Досрочно. Стало быть, дела на фронте плохи.

Надежды Пилихина-старшего рушились. Возможно, он уже тогда почувствовал, что рушится куда большее — привычный вековой уклад, а с ним и достаток, распадаются семейные укрепы, слабеет вера, законы, шатается, как старый зуб, государство.

Глава четвёртая

ДРАГУН

“Я пошёл солдатом...”

Повестку ему принесли из Малоярославца в Стрелковку. Как и другим погодкам-односельчанам. Кончилась московская жизнь. Прошла юность-вольница: спокойная, обеспеченная работа в лавке у дядюшки, поездки на шумные и всегда интересные новыми впечатлениями ярмарки, праздничные отпуска на родину, где его любили и всегда с нетерпением и надеждой ждали в гости, весёлые танцы под ярую гармошку и лихие драки на вечеринках.

Что ж, думал он, в солдаты — так в солдаты, на войну — так на войну. Хотя уходил в армию с некоторой неохотой. Впоследствии в мемуарах признавался: “Особого энтузиазма я не испытывал, так как на каждом шагу в Москве встречал несчастных калек, вернувшихся с фронта, и тут же видел, как рядом по-прежнему широко и беспечно жили сынки богачей. Они разъезжали по Москве на “лихачах”, в шикарных выездах, играли на скачках и бегах, устраивали пьяные оргии в ресторане “Яр”. Однако считал, что, если возьмут в армию, буду честно драться за Россию”.

Последние вольные дни на родине отгулял лихо. Призывники ходили от деревни к деревне, пели:

*Последний нынешний денёчек
Гуляю с вами я, друзья...*

Днём работали. Хотелось успеть помочь родителям управиться с сенокосом. Конец июля — самая сенокосная пора. А вечером — на гулянку. К друзьям-товарищам. К девчатам.

*Крестьянский сын на всё готовый,
Всегда он лёгок на подъём...*

Как танцевал он, наш герой, в эти распоследние дни на родине перед отправкой в армию, запомнилось многим. Из воспоминаний жительницы Чёрной Грязи Татьяны Ивановны Емельяновой: “Очень весело, бывало, гуляли. И поют, и танцуют, и бывало это: “Пойдём ввечеру смотреть. Нынче Егор будет русского плясать”. Любующимся русским танцем Егора нравились не только его движения, но и огонь в его глазах, удаль, энергия, которая в те мгновения от него исходила. Танцем Жуков утверждал и показывал не только свою молодецкую статью — он выплёскивал торжество своего духа, демонстрировал, зачастую с вызовом, превосходство перед местными женихами.

Потом, уже генералом, а затем и маршалом, он, переживая мгновения душевного восторга, будет неожиданно бросаться в пляс, лихо, по-молодецки отдирать “русского” на глазах у изумлённых сослуживцев.

В армию вместе с ним уходил и его друг Лёшка Жуков по прозвищу Колотырный, и многие другие погодки, друзья детства и юности.

Начало августа 1915 года. Малоярославец, сборный пункт уездного присутствия по воинским делам. Здесь призывников оформляли, распределяли по командам и отправляли дальше. Когда заполнял анкету, утаил, что, кроме трёхклассной сельской церковно-приходской школы, окончил экстерном курс четырёхклассного вечернего училища в Москве. Последнее обстоятельство резко повышало образовательный ценз и сразу меняло общий статус и ценность призывника. С такой начальной подготовкой ему была прямая дорога в офицерское училище, в школу прапорщиков. А там...

Жизнь спустя маршал так прокомментировал тогдашний свой выбор: “На моё решение повлияла поездка в родную деревню незадолго перед этим. Я встретил там, дома, двух прапорщиков из нашей деревни, до того плохих, неудачных, нескладных, что, глядя на них, мне было даже как-то неловко подумать, что вот я, девятнадцатилетний мальчишка, кончу школу прапорщиков и пойду командовать взводом и начальствовать над бывальыми солдатами, над бородачами, и буду в их глазах таким же, как эти прапорщики, которых я видел у себя в деревне. Мне не хотелось этого, было неловко. Я пошёл солдатом”.

Мотив всё же необидительный. Ведь видел же Жуков, живя в Москве, и других прапорщиков и юнкеров, своих ровесников. И те, и другие, как свидетельствуют многие современники, в том числе и дамы, выглядели очень даже хорошо. По всей вероятности, многие места в “Воспоминаниях и размышлениях” написаны с оглядкой на цензуру той поры, когда создавались и публиковались мемуары: Главное политическое управление Министерства обороны СССР, Генеральный штаб, КГБ, а над всеми этим — ЦК КПСС, секретари и работники идеологического фронта, прочно крепившие порученные им рубежи...

Вряд ли надо убеждать читателя в том, что любые мемуары — это правда жизни, выдуманная самим мемуаристом. Разумеется, в той или иной степени. Вдобавок ко всему надо иметь в виду, что маршал писал свои воспоминания в период кромешной несвободы. И герой его романа — выходец из бедняцкой крестьянской семьи, которого и шпандырем били, и подзатыльники он от строгого дяди получал, и за водкой для мастеров в соседнюю лавку бегал... Такому, разумеется, не место в школе прапорщиков. К тому же и судьба поставила его именно в солдатский строй. Над чем он впоследствии немало размышлял: мол, а если бы попал в младшие офицеры, а потом, коли так, погоны и честь повлекли бы и дальше, на Дон, в Новороссийск...

Из Малоярославца призывников привезли в губернский город. В Калуге на вокзале построили и взводными колоннами погнали на юго-восток, к Бобруйским артиллерийским складам.

Из мемуаров маршала: “В Калугу прибыли ночью. Разгрузили нас где-то в тупике на товарной платформе. Раздалась команда: “Становись!”, “Равняйся!” И мы зашагали в противоположном направлении от города. Кто-то спросил у ефрейтора, куда нас ведут. Ефрейтор, видимо, был хороший человек, он нам душевно сказал:

— Вот что, ребята, никогда не задавайте таких вопросов начальству. Солдат должен безмолвно выполнять приказы и команды, а куда ведут солдата — про то знает начальство”.

Эта была первая солдатская заповедь, прозвучавшая из уст старого слугаки-ефрейтора, и её будущий маршал усвоит с той ночи навсегда.

Поскольку здесь, под Калугой*, началась армейская служба будущего маршала Победы, стоит рассказать об этом месте особо.

* Ныне это черта города Калуги. У дороги, ведущей из Калуги в Тарусу, установлен памятник, свидетельствующий о том, что именно здесь в 1915 году начинал свою военную службу маршал Советского Союза Г. К. Жуков.

В 1807 году Министерство военно-сухопутных сил Российской империи приняло решение “о размещении на территории России запасного артиллерийского парка на девять дивизий”. Указом Государя Императора Александра I самый крупный парк боеприпасов русской армии был размещён именно здесь, под Калугой, к западу от Москвы и на полпути к Смоленску. При нём был сформирован запасной артиллерийский полк. Место выбрали во всех отношениях удобное: в глухом лесу на берегу речушки, вдоль которой пролегла дорога. Ходят легенды, что здесь даже построили подземный завод: в обширных подземельях снаряжали и готовили к боевому применению корпуса ядер, гранат и снарядов. Но впоследствии, когда надобность в том отпала, вход в подземелье замуровали, и, как пишут местные хроникёры, “следов от него не осталось”. В канун нашествия Наполеона генерал от инфантерии граф Михаил Андреевич Милорадович, впоследствии ставший героем Отечественной войны 1812 года и затем убитый декабристами на Сенатской площади в Санкт-Петербурге, “лично приезжал для осмотра и остался весьма доволен”. Позже здесь были устроены склады воинского обмундирования и снаряжения и казармы для новобранцев-рекрутов. Так постепенно возник военный городок.

Сюда и прибыла в августе 1815 года команда из Малоярославецкого уезда постигать азы военной науки и дисциплины с двумя Жуковыми из деревни Стрелковки. Одному из них суждено будет стать красным командиром, а другому — его верным коноводом. “Разместили нас в бараке на голых нарах. Сказали, что можем отдохнуть до 7 часов утра. Здесь уже находилось около ста человек. В многочисленные щели и битые окна дул ветер. Но даже эта “вентиляция” не помогала. “Дух” в бараке стоял тяжёлый.

После завтрака нас построили и объявили, что мы находимся в 189-м запасном пехотном батальоне. Здесь будет формироваться команда 5-го запасного кавалерийского полка. До отправления по назначению будем обучаться пехотному строю.

Нам выдали учебные пехотные винтовки. Отделенный командир ефрейтор Шахворостов объявил внутренний распорядок и наши обязанности. Он строго предупредил, что, кроме как “по нужде”, никто из нас не может никуда отлучаться, если не хочет попасть в дисциплинарный батальон... Говорил он отрывисто и резко, сопровождая каждое слово взмахом кулака. В маленьких глазках его светилась такая злоба, как будто мы были его заклятыми врагами.

— Да, — говорили солдаты, — от этого фрукта добра не жди...

Затем к строю подошёл старший унтер-офицер. Наш ефрейтор скомандовал: “Смирно!”

— Я ваш взводный командир Малявко, — сказал старший унтер-офицер. — Надеюсь, вы хорошо поняли, что объяснил отделенный командир, а потому будете верно служить царю и Отечеству. Самоволия я не потерплю!

Начался первый день строевых занятий. Каждый из нас старался хорошо выполнить команду, тот или иной строевой приём или действие оружием. Но угодить начальству было нелегко, а тем более дожидаться поощрения. Придравшись к тому, что один солдат сбился с ноги, взводный задержал всех на дополнительные занятия. Ужинали мы холодной бурдой самыми последними.

Впечатление от первого дня было угнетающим. Хотелось скорее лечь на нары и заснуть. Но, словно разгадав наши намерения, взводный приказал построиться и объявил, что завтра нас выведут на общую вечернюю поверку, а потому мы должны сегодня разучить государственный гимн “Боже, царя храни!” Разучивание и спевка продолжались до ночи. В 6 часов утра мы были уже на ногах, на утренней зарядке.

Дни потянулись однообразные, как две капли воды похожие один на другой. Подошло первое воскресенье. Думали отдохнуть, выкупаться, но нас вывели на уборку плаца и лагерного городка. Уборка затянулась до обеда, а после “мёртвого часа” чистили оружие, чинили солдатскую амуницию и писали письма родным. Ефрейтор предупредил, что жаловаться в письмах ни на что нельзя, так как цензура всё равно не пропустит.

Втягиваться в службу было нелегко. Но жизнь нас и до этого не баловала, и недели через две большинство привыкло к армейским порядкам.

В конце второй недели обучения наш взвод был представлен на смотр ротному командиру — штабс-капитану Володину. Говорили, что он сильно пил, и, когда бывал пьян, лучше было не попадаться ему на глаза. Внешне наш ротный ничем особенно не отличался от других офицеров, но было заметно, что он без всякого интереса проверяет нашу боевую подготовку. В заключение смотра он сказал, чтобы мы больше старались, так как “за Богом молитва, а за царём служба не пропадут”.

До отправления в 5-й запасный кавалерийский полк мы видели нашего ротного командира ещё пару раз, и, кажется, он оба раза был навеселе”.

В сентябре батальон отправили в Харьковскую губернию под Балаклею. Здесь формировались маршевые роты для 10-й кавалерийской дивизии. Дивизия дралась на фронте и требовала постоянного пополнения. Ещё в дороге новобранцы узнали, что дивизия, в которой им предстоит служить и, возможно, воевать, состоит из трёх кавалерийских полков — гусарского, уланского и драгунского. Все три — лёгкая кавалерия. Но гусары были окутаны туманом романтики, да и унтер-офицеры, от которых “в царской армии целиком зависела судьба солдата”, по слухам, в гусарском учебном эскадроне “были лучше и, главное, более человечные”.

На станции сразу по прибытии их построили и распределили по эскадронам.

“После разбивки, — вспоминал маршал, — мы, малоярославецкие, москвичи и несколько ребят из Воронежской губернии, были определены в драгунский эскадрон”.

Стоит напомнить читателям, что драгуны — род конницы, способной действовать как в конном, так и в пешем строю. Первоначально — пехота, посаженная на лошадей.

Но в 5-м кавалерийском полку драгун учили, прежде всего, как кавалеристов — для действия в конном строю.

Из мемуаров бывшего драгуна: “Через день нам выдали кавалерийское обмундирование, конское снаряжение и закрепили за каждой лошадью. Мне попалась очень строптивая кобылица тёмно-серой масти по кличке “Чашечная”.

Служба в кавалерии оказалась интереснее, чем в пехоте, но значительно труднее. Кроме общих занятий, прибавились обучение конному делу, владению холодным оружием и трехкратная уборка лошадей. Вставать приходилось уже не в 6 часов, как в пехоте, а в 5, ложиться также на час позже.

Труднее всего давалась конная подготовка, то есть езда, вольтижировка и владение холодным оружием — пикой и шашкой. Во время езды многие до крови растирали ноги, но жаловаться было нельзя. Нам говорили лишь одно: “Терпи, казак, атаманом будешь”. И мы терпели до тех пор, пока не уселись крепко в седла.

Взводный наш, старший унтер-офицер Дураков, вопреки своей фамилии, оказался далеко не глупым человеком. Начальник он был очень требовательный, но солдат никогда не обижал и всегда был сдержан. Зато другой командир, младший унтер-офицер Бородавко, был ему полной противоположностью: крикливый, нервный и крайне дерзкий на руку. Старослужащие говорили, что он не раз выбивал солдатам зубы.

Особенно беспокоен он был, когда руководил ездой. Мы это хорошо почувствовали во время кратковременного отпуска нашего взводного. Бородавко, оставшись за взводного, развернулся вовсю. И как только он не издевался над солдатами! Днём гонял до упаду на занятиях, куражась особенно над теми, кто жил и работал до призыва в Москве, поскольку считал их “грамотеями” и слишком умными. А ночью по нескольку раз проверял внутренний наряд, ловил заснувших дневальных и избивал их. Солдаты были доведены до крайности.

Сговорившись, мы как-то подкараулили его в тёмном углу и, накинув ему на голову попону, избили до потери сознания. Не миновать бы всем нам военно-полевого суда, но тут вернулся наш взводный, который всё уладил, а затем добился перевода Бородавко в другой эскадрон.

К весне 1916 года мы были в основном уже подготовленными кавалеристами. Нам сообщили, что будет сформирован маршевый эскадрон, и впредь до отправления на фронт мы продолжим обучение в основном по полевой программе. На наше место прибывали новобранцы следующего призыва, а нас готовили к переводу на другую стоянку, в село Лагери.

Из числа наиболее подготовленных солдат отобрали 30 человек, чтобы учить их на унтер-офицеров. В их число попал и я. Мне не хотелось идти в учебную команду, но взводный, которого я искренне уважал за его ум, порядочность и любовь к солдату, уговорил меня пойти учиться”.

Учебная команда для подготовке унтер-офицеров — это то, что вскоре в войсках будет называться школой младшего комсостава, а в послевоенное время — сержантской школой.

Учебная команда находилась в городке Изюме Харьковской губернии. Казарм не было, личный состав расселили по палаткам. Начались занятия.

После первых же дней Жуков и прибывшие с ним поняли, что “с начальством... не повезло” и здесь. “Старший унтер-офицер оказался хуже, чем Бородавко”, — вспоминал потом маршал недобрым словом своего очередного наставника.

Наставник имел прозвище Четыре-С-Половиной — указательный палец на правой руке у него был наполовину обрублен. Унтер имел свирепый нрав и мог во время занятий или построения кулаком сбить с ног замешкавшегося солдата. Всё ему сходило с рук. Однажды замахнулся и на Жукова, но тот принял стойку и так взглянул на Четыре-С-Половиной, что тот разжал кулак.

С тех пор житья Жукову не стало. Старший унтер-офицер наказывал его чаще всех и строже всех. “Никто так часто не стоял “под шашкой при полной боевой”, не перетаскал столько мешков с песком из конюшен до лагерных палаток и не нёс дежурств по праздникам, как я. Я понимал, что всё это — злоба крайне тупого и недоброго человека. Но зато я был рад, что он никак не мог придрататься ко мне на занятиях”.

И вот тут-то проявился характер будущего командира. Унтер “изменил тактику” — предложил Жукову заняться его канцелярией, стать “нештатным переписчиком”. Услугу обещал оплачивать освобождением от некоторых особо трудных занятий.

— Будешь вести листы нарядов, отчётность по занятиям и выполнять другие поручения, — сказал ему Четыре-С-Половиной.

На что двадцатилетний калужский драгун ответил ему:

— Я пошёл в учебную команду не за тем, чтобы быть порученцем по всяким делам, а для того, чтобы досконально изучить военное дело и стать унтер-офицером.

Ответ Жукова разозлил Четыре-С-Половиной.

— Ну, смотри... А унтер-офицером ты никогда не станешь. Попомни моё слово.

И он своё слово сдержал. Но и Жуков до конца выдержал схватку со своим непосредственным командиром, продолжая настаивать на своём.

Унтер отомстил по-своему — подвёл непокорного и неугодного драгуна в самый канун выпускных экзаменов под отчисление из учебной команды “за недисциплинированность и нелояльное отношение к непосредственному начальству”.

А между тем все в эскадроне были уверены, что первым на экзамене будет Жуков. В школе существовало правило: лучший выпускался в звании унтер-офицера, остальные — вице-унтер-офицерами, “то есть кандидатами на унтер-офицерское звание”.

Унтер-офицер в армейской кавалерии имел звание либо старший вахмистр, либо младший вахмистр. Соответственно — либо две поперечных лычки на погоне, либо три. В Красной армии (когда ввели погоны) и в Советской армии унтер-офицерское звание соответствовало званию младший сержант и старший сержант.

На одно из этих званий, а точнее — младшего унтер-офицера, — вполне справедливо, как лучший в эскадроне, претендовал драгун Жуков, но ед-

ва не был отчислен из учебной команды. Если бы не вмешательство товарища по учебной команде, брат которого, офицер, служил заместителем командира эскадрона, военная карьера Жукова, возможно, пресеклась бы в самых своих истоках.

Представление унтера на отчисление Жукова из учебной команды разбирал сам начальник команды. В разговоре выяснилось, что он тоже москвич, из Марьиной рощи, до войны работал краснодеревщиком, потом служил в уланском полку вахмистром. Воевал. В бою показал себя храбрым и умелым командиром, за что был награждён несколькими солдатскими Георгиевскими крестами и произведён в офицеры. После тяжёлого ранения, ещё не вполне оправившись, принял учебную команду.

— Вот что, солдат, — сказал начальник учебной команды, — на тебя поступила плохая характеристика. Пишут, что ты за четыре месяца обучения имеешь десяток взысканий и называешь своего взводного командира “шкурой” и прочими нехорошими словами. Так ли это?

— Да, ваше высокоблагородие, — ответил Жуков. — Но одно могу доложить, что всякий на моём месте вёл бы себя так же.

Начальник команды выслушал Жукова и сказал:

— Иди во взвод, готовься к экзаменам.

Это была победа. Упорное стояние на своём. Не смог унтер растоптать в нём ни человеческого достоинства, ни солдатской чести.

Экзамены Жуков сдал успешно, но желанного звания всё же не получил. Снова судьба обнесла нашего героя званием, на этот раз унтер-офицерским.

В середине 60-х годов прошлого века писатель Константин Симонов провёл ряд интервью с маршалами-фронтовиками. В стране “потеплело”, и беседы писателя с полководцами получились довольно откровенными. Вот что сказал Симонову Жуков: “Конечно, в душе было общее ощущение, чутьё, куда идти. Но в тот момент, в те молодые годы можно было и свернуть с верного пути. Это тоже не было исключено. И кто его знает, как бы вышло, если бы я оказался не солдатом, а офицером, получил бы уже другие офицерские чины, и к этому времени разразилась бы революция. Куда бы я пошёл под влиянием тех или иных обстоятельств, где бы оказался? Может быть, доживал бы где-нибудь свой век в эмиграции? Конечно, потом, через год-другой, я был уже сознательным человеком, уже определил свой путь, уже знал, куда идти и за что воевать, но тогда, в самом начале, если бы моя судьба сложилась по-другому, если бы я оказался офицером, кто знает, как было бы. Сколько искалеченных судеб оказалось в то время у таких же людей из народа, как я...”

На склоне лет маршал много читал и думал. Вспоминал и размышлял. В том числе и о возможных вариантах своей судьбы. Ведь и во время войны, и после он встречал много людей, и среди них были офицеры той, прежней армии, в которой ему довелось служить драгуном; их судьбы складывались под влиянием обстоятельств: им пришлось испытать исход из родной земли, скитания на чужбине. Некоторые из них оказались по ту сторону линии фронта, когда началась Вторая мировая война.

Многие будущие полководцы Красной армии, командующие армиями и войсками фронтов, маршалы Советского Союза начинали свою службу в унтер-офицерском звании. Маршал И. С. Конев окончил учебную команду в звании артиллерийского фейерверкера, что соответствовало армейскому чину унтер-офицера. Унтер-офицерами были будущие маршалы С. К. Тимошенко, С. М. Будённый, К. К. Рокоссовский.

Учебные команды старой русской армии давали очень хорошую подготовку. Вспоминая свои будни и муштру под зорким оком взводного командира, Жуков признавал, что учили хорошо: “Каждый выпускник в совершенстве владел конным делом, оружием и методикой подготовки бойца. Не случайно многие унтер-офицеры старой армии после Октября стали квалифицированными военачальниками Красной армии”.

Глава пятая

ПЕРВАЯ ВОЙНА

“Бей их в морду и по шее!..”

Учёба позади. Впереди — фронт. Вести с войны поступали неутешительные. Иногда, выезжая на занятия в поле, драгуны видели проходящие мимо обозы с ранеными. Оттуда доносились стоны. Никому из будущих младших командиров не хотелось такой участи — ехать в тыл изуродованным осколком или пулей, саблей или пикой врага. Но судьба многих из них будет и того горше.

Наступил август. Великая война, или, как её называли в Российской империи, вторая Отечественная, шла уже два года. Началась она 28 июля 1914 года и окончилась 11 ноября 1918 года. Война, как заметили историки, “разделила всемирную историю на две эпохи, открыв совершенно новую её страницу, наполненную социальными взрывами и потрясениями”. Несколько забегая вперёд, стоит заметить, что грядущие “взрывы и потрясения” вынесут нашего героя в первые ряды строителей новой жизни, а точнее — военной элиты новой армии.

В 1916 году шли упорные бои под Салониками в Греции и в Сербии. Особая русская бригада генерал-майора М. К. Дитерихса и французские дивизии потеснили австро-германо-болгарские войска. Продолжались бои под Верденом. Англичане в атаках на реке Сомме применили невиданное оружие сокрушительной силы — танки. Это было первое боевое применение танков. Совсем скоро, в тысячах километрах на восток, на другой реке на маньчжуро-монгольской границе комкор Жуков подготовит и успешно проведёт операцию против японских войск, в ходе которой “впервые в мировой военной практике танковые и механизированные части использовались для решения оперативных задач в качестве основной ударной силы фланговых группировок, совершавших маневр на окружение”.

Это узелок на память тем, кто считает, что Жуков был недоучкой и воевал в основном “человеческим мясом”.

Здесь же, на Восточном фронте тоже шли упорные бои. На барановичском направлении наступали армии Северо-Западного фронта генерала Эверта. А южнее, в Восточной Галиции и Буковине пронёсся, сметая австро-венгерские порядки, смерч наступающих русских войск.

Летом командующий войсками Юго-Западного фронта генерал А. А. Брусиллов повёл свои армии в наступление. Эта масштабная операция вошла в историю Первой мировой войны как Брусилловский прорыв. Наступление русских войск на позиции австро-венгерской армии к концу лета затухло.

Жуков прибыл на передовую в составе команды маршевого пополнения 10-го драгунского Новгородского полка в район Каменец-Подольска. Здесь, на стыке русской 9-й армии с союзными румынскими войсками командование сосредоточило полки 10-й кавалерийской дивизии. Вместе с драгунами из прибывших составов выводили своих застоявшихся лошадей кавалеристы соседнего 10-го гусарского Ингерманландского полка. Выгружали амуницию. И в это время, когда воево шла разгрузка, на станцию налетел самолёт противника. Он начал кружить над эшелонами, станцией и путями. Сбросил несколько небольших бомб и улетел. Одна бомба разорвалась совсем близко к месту выгрузки. Осколками убило солдата и несколько лошадей.

Это была первая смерть, которую увидел Жуков на войне. Нелепая. Можно сказать, случайная. И тем более трагичная. Вид такой смерти порой повергает человека в большее смятение и страх, чем гибель товарища в бою, во время схватки. Должно быть, именно такие крайние чувства испытал и Жуков, потому и запомнил на всю жизнь первого убитого своего товарища и однополчанина. Но и другое вскоре понял он: чем больше командиры проявят заботы о безопасности пребывания своих солдат вблизи передовой, чем больше усилий потрачено на маскировку и скрытность передвижения

войск и на их маневр, тем целёй жизнь солдата и тем прочнее позиции войск и весь фронт.

Но эти заботы станут насущными для нашего героя много позже, когда сам он станет командиром и когда от его действий и решений будет зависеть жизнь многих людей, одетых в солдатскую форму.

В начале сентября 10-я дивизия выдвинулась вперёд и сосредоточилась для наступления “в Быстрицком горно-лесистом районе”. Эскадроны спешили и приготовились к действиям в пешем строю, так как “условия местности не позволяли производить конных атак”.

К сожалению, биографы маршала Победы, историки и политологи все свои усилия сосредоточили на деятельности Жукова в период Второй мировой войны и после её завершения, а 1916-й и 1917-й годы почти целиком выпали из их поля зрения. И нам в таких стеснённых обстоятельствах не остаётся ничего другого, дорогой читатель, как довериться мемуарам самого Жукова.

В этот период Юго-Западный фронт готовился к новому наступлению. Генерал Брусилов, получив резервы и пополнив запасы всем необходимым с армейских складов, был полон решимости продолжить наступление и развить свой летний успех в глубину австро-венгерских и германских позиций. Для этой цели привлечена была в том числе и 10-я кавалерийская дивизия. Она состояла из двух бригад. Первая бригада: 10-й драгунский Новгородский полк; 10-й уланский Одесский полк. Вторая бригада: 10-й гусарский Ингерманландский полк; 1-й Оренбургский казачий Его Императорского Величества Наследника Цесаревича полк.

Усиление: 3-й Казачий артиллерийский дивизион.

За дивизией прочно закрепилась слава войска дисциплинированного, храброго, высокоманевренного и стойкого.

Под Ярославцами десять эскадронов дивизии кинулись на двадцать эскадронов австрийской кавалерийской дивизии.

Австрийцы давно искали открытого боя, и вот, наконец, час настал. Точь-в-точь как у Лермонтова в “Бородине”: “И вот нашли большое поле: Есть разгуляться где на воле!..”

Драгуны и уланы 4-й кавалерийской дивизии генерала Риттера фон Зарембы перед боем облачились в парадные мундиры, заранее предполагая победу над малочисленным противником. Началась отчаянная рубка. Австрийская конная лава хлынула с холмов. Но наши так смогли построить боевой порядок, что первую волну австрийской кавалерии буквально подняли на пики и разметали шашками. В рубке участвовали с обеих сторон одновременно 2500 всадников. Свист сабель, треск и хруст, стон и гам стояли невообразимые. Оба дивизионных начальника тем временем находились на соседних холмах в нескольких сотнях шагов друг от друга, наблюдали за боем и давали необходимые указания. Австрийский генерал бросал в дело всё новые и новые эскадроны. У генерала Фёдора Артуровича Келлера, который в те дни командовал 10-й кавалерийской дивизией, резервы были ограниченными.

В разгар боя, как повествуют свидетели того эпизода, “к генералу Келлеру прискакал всадник, сообщивший о наличии у австрийских кавалеристов в бою обременительных в походе парадных металлических касок, которые затруднительно разрубить. <...> совет графа оказался весьма полезным. Несмотря на то, что многим австрийцам каски спасли жизнь, многие все же, как впоследствии выяснилось, были поражены именно таким способом”.

— Бей их в морду и по шею! — рявкнул Келлер вестовому драгуну.

Тот резко развернул коня и поскакал к своему полковнику с приказом генерала о том, как надобно действовать.

Генерал Келлер — легендарная личность, верный солдат императора. Среди кавалеристов он имел прозвище “Первая шашка России”.

Когда в бою под Ярославцами наступил кризисный момент, и свежий резервный эскадрон австрийских драгун опасно проскочил через боевые порядки полков, увлечённых рубкой, и стал угрожать тылу и флангу, Келлер вскочил на коня, выхватил шашку и скомандовал:

— Штаб и конвой — в атаку!

Офицеры штаба и оренбургские казаки личной охраны кинулись в поле вслед за своим генералом. Через несколько минут всё было кончено: австрийцы побежали. Как повествуют хроники, их преследовали и рубили до тех пор, пока не устали кони.

Генералу Келлеру тогда было пятьдесят девять лет. Для кавалерийского боя лета, надо заметить, неподходящие. Но дух этого кавалерийского начальника был необычайно высок.

Встречный бой при Ярославичах в историю войн вошёл как первый кавалерийский бой Великой войны и последний в истории войн, в котором одновременно участвовало такое количество всадников, действовавших исключительно холодным оружием — пиками и шашками.

Характер и судьба генерала Келлера в чём-то, возможно, в самом главном, схожи с характером и судьбой нашего героя. Тот же цепкий и быстрый ум, та же решительность и твёрдость. И та же беззащитность вне поля боя, когда по фронту и на флангах оказываются хитрые и лукавые политики, искусённые в тонкостях тактики и стратегии иной войны.

У генерала Келлера действовала жёсткая система отбора. Брала не всех. Ценз был высок. Особенно это коснулось казачьих полков. Привыкшие к некоторой вольнице, казаки порой не выдерживали требований, предъявленных приказами командира корпуса. Многие из них отсеивались и направлялись в другие части.

Самыми подготовленными оказались полки 10-й кавалерийской дивизии. Именно она стала костяком и средоточием духа 3-го конного корпуса.

Дивизией в то время командовал генерал-майор Василий Евгеньевич Марков. Он отличился в рубке при Ярославичах, за что был награждён офицерским орденом Святого Георгия 4-й степени и Георгиевским оружием.

Полком командовал полковник Сергей Дмитриевич Прохоров, а до него — полковник Александр Романович Алахвердов, обрусевший армянин.

Вскоре началось новое наступление. 3-й конный корпус как наиболее боеспособный, имевший большой опыт и победный дух, шёл в авангарде ударной группировки. Однако австро-венгерские и германские войска успели перебросить на угрожаемый участок фронта достаточные резервы, а наши новые союзники-румыны замешкались и действовали в отрыве от Юго-Западного фронта, и вскоре наступление замедлилось, а затем и вовсе выдохлось.

О первых боях Жуков сохранил вот такие воспоминания: “Когда на войне очутился, поначалу была какая-то неуверенность под артобстрелом, но она быстро прошла. Под пулями никогда не наклонялся. Трусов терпеть не могу”.

Солдат как солдат. Примерно то же самое говорят все бывалые бойцы, кому пришлось привыкать к окопам, к передовой, к обстрелам и бомбёжкам.

В октябре 1916 года близ местечка Сас-Реген в Восточной Трансильвании, куда подошли авангарды 3-го конного корпуса, Жукова назначили в головной дозор. Отряд продвигался по горной тропе, цепочкой. Лошади шли осторожно. Жуков ехал третьим. Прислушивался к звукам и шорохам леса, со всех сторон обступавшего разъезд драгун. И вдруг впереди раздался сильный взрыв. Горячей волной, смешанной с песком и галькой, Жукова выбросило из седла.

Очнулся он спустя сутки в полевом лазарете.

— Ну, что, унтер, охрял*? — кивнул ему с соседней койки пожилой солдат с забинтованной рукой. — Повезло тебе. Одни царапины. Скоро заживут.

Жуков почти не слышал своего соседа по койке. Сквозь шум в ушах доносились обрывки фраз. Он связывал их только тогда, когда внимательно следил за движениями губ старого солдата.

Оказалось, что двое его товарищей, ехавших впереди, тяжело ранены. Он, по всей вероятности, контужен. Контузия тоже тяжёлая.

* Пришёл в себя (разг. диалектн., характерное для калужан и жителей Смоленской губ.).

— Кто-то из вас на мину наехал, — сказал пожилой солдат и кивнул на соседние койки, где лежали тяжелораненые драгуны. Жуков узнал своих товарищей, ехавших впереди.

До Жукова осколки мины не долетели, их приняли на себя ехавшие в голове дозора и их лошади. Судьба берегла его для будущего, для самой жестокой войны XX века.

Вскоре его отправили в глубокий тыл, в Харьков.

Из госпиталя его выписали в 6-й маршевый эскадрон его родного 10-го драгунского Новгородского полка. Эскадрон по-прежнему стоял в селе Лагери. Почти никого знакомых там не осталось. Но Жуков был всё же рад. Какое-никакое, а всё же — возвращение. Тем более что вернулся с лычками унтер-офицера и двумя Егориями* на груди. Первый, 4-й степени, он получил за удачно проведённую разведку, во время которой Жукову и его товарищам удалось захватить и доставить в свой штаб ценного “языка” — австрийского офицера. Второй — за контузию.

За ордена награждённым тогда платили из царской казны хорошие деньги. К примеру, за Егория 4-й степени — 36 руб. в год. За Егория 3-й степени — 60 рублей. Кавалер 1-й степени получал 120 рублей. Унтер-офицер имел прибавку к жалованию на треть за каждый крест, но не больше двойной суммы. Прибавочное жалование сохранялось пожизненно после увольнения в отставку. Вдовы могли получать его ещё год после гибели кавалера или его смерти от ран. Кроме того, удостоенный Егория 1-й степени жаловался званием подпрапорщика. Это высшее звание, которое мог получить солдат, последняя ступень перед офицерским званием. Соответствует званию старшины в Красной и Советской армиях.

Звание подпрапорщик присваивалось и кавалерам 2-й степени при увольнении в запас.

Жукову звания не шли. Добывал он свои кресты и лычки кровью, потом и самодисциплиной при необычайном рвении, желании быть во всём первым.

Первую свою войну он закончил кавалером двух Егориев.

Такие же отличия имели будущие маршалы Р. Я. Малиновский и К. К. Рокоссовский. А И. В. Тюленев, К. П. Трубников, С. М. Будённый и А. И. Ерёменко были награждены всеми четырьмя степенями.

Во время Великой Отечественной войны, когда и Ставка, и Генеральный штаб, и партия большевиков делали многое для поднятия духа в войсках, когда возвращалось многое из славного прошлого, появился и проект постановления о разрешении ношения солдатских Георгиевских крестов.

“ПРОЕКТ ПОСТАНОВЛЕНИЯ СНК СССР 24 апреля 1944 г<ода>

В целях создания преемственности боевых традиций русских воинов и воздания должного уважения героям, громившим немецких империалистов в войну 1914–1917 г<одов>, СНК СССР постановляет:

1. Приравнять б<ывших> георгиевских кавалеров, получивших Георгиевские кресты за боевые подвиги, совершенные в боях против немцев в войну 1914–17 г<одов>, к кавалерам ордена Славы со всеми вытекающими из этого льготами.

2. Разрешить б<ывшим> георгиевским кавалерам ношение на груди колодки с орденской лентой установленных цветов.

3. Лицам, подлежащим действию настоящего постановления, выдаётся орденская книжка ордена Славы с пометкой “б<ывшему> георгиевскому кавалеру”, каковая оформляется штабами военных округов или фронтов на основании представления им соответствующих документов (подлинных приказов или послужных списков того времени)”.

* Солдатское название Георгиевских крестов.

Проект хороший. Но постановлением он так никогда и не стал. Сталину мысль понравилась, но документу он хода не дал, должно быть, решив, что, мол, хватит им погон и орденов Суворова, Кутузова, Богдана Хмельницкого, Александра Невского и солдатской Славы с георгиевской лентой.

При награждении определённое количество крестов выделялось отличившемуся в бою подразделению. Солдаты этого подразделения, роты, эскадрона или батареи сами затем решали, кто из них отличился особенно и достоин награды более других. Этот порядок был узаконен и назывался “приговором роты”. Награды, в том числе и Георгиевские кресты, полученные по “приговору роты”, ценились в солдатской среде гораздо выше полученных по представлению командира.

Какие кресты имел Жуков, неизвестно.

В маршевом эскадроне его приняли хорошо. Свой. Побывал в боях. Ранен. Грудь в крестах. Грамотный. Читает газеты и умно их растолковывает. Маршал вспоминал: “Беседуя с солдатами, я понял, что они не горят желанием “нохать порох”, не хотят войны. У них были уже иные думы — не о присяге царю, а о земле, мире и о своих близких”.

Начались разговоры о забастовках в крупных городах, о рабочих стачках, о том, что кругом несправедливость и утеснение простого люда.

Вначале на молодого унтера солдаты посматривали с опаской. Но потом поняли — свой, офицерам не донесёт.

Мало того, что он не доносил, а ещё и говорил, читая газеты и листки, которые разными путями и сквозняками заносило в эскадрон, что “мир, землю, волю русскому народу могут дать только большевики и никто больше”.

Глава шестая

БОЛЬШЕВИКИ

“Советская власть отдаст всё, что есть в стране, бедноте и окопникам...”

Разговоры разговорами, а в стране уже кипели нешуточные дела. Назревали, как точно определил модный в то время в офицерской среде поэт, “неслыханные перемены, невиданные мятежи...”*

Февральский вихрь не миновал и дальнего гарнизона в Лагерях.

Как вспоминал Жуков, ранним утром 27 февраля 1917 года эскадрон был поднят по тревоге. Построились повзводно.

Жуков, улучив момент, спросил командира взвода поручика Киевского:

— Ваше благородие, куда нас собрали по тревоге?

— А вы как думаете? — растерянно ответил поручик вопросом на вопрос.

— Солдаты должны знать, куда их поведут. Всем выдали боевые патроны. Волнуются.

— Патроны могут пригодиться, — снова уклончиво ответил взводный.

В это время на плацу появился командир эскадрона ротмистр барон фон дер Гольц. Старый вояка, награждённый за храбрость золотым оружием и офицерским крестом Святого Георгия, он после тяжёлого ранения был направлен в тыловую часть и от этого страдал больше, чем от последствий ранения. На солдат рычал, и его не любили и боялись.

Вскоре поступила команда “рысью”, и эскадрон, вытянувшись в колонну по три, начал выдвижение в сторону Балаклеи. Драгуны немного успокоились: к штабу. Когда показался плац перед зданием штаба, скакавшие впереди увидели, что там уже строятся одесские уланы и ингерманландские гусары. Никто не знал, что случилось и чего ждать. Офицеры, стиснув зубы, молчали и на вопросы солдат не отвечали. Но в воздухе, как говорят в таких случаях, явно пахло гарью...

* Из поэмы Александра Блока “Возмездие”.

Эскадроны строили в несколько рядов, развёрнутым строем, в затылок друг другу, словно для атаки. Офицеры всматривались в дальний поворот улицы. Кого-то ждут, думал Жуков, поглядывая по сторонам.

И вот из-за угла каменного дома вывалила толпа с красными знамёнами. Никакой команды не последовало. Эскадроны затихли. Даже лошади присмирели, как перед атакой. Ротмистр фон дер Гольц прищипорил коня и поскакал в сторону штаба. Следом за ним поскакали командиры уланского и гусарского эскадронов.

Из штаба навстречу им вышла группа людей, среди которых Жуков увидел рабочих, одетых в гражданское, и военных, но не только офицеров. Они шли к эскадронам. Впереди шагал высокий человек в распахнутой солдатской шинели.

Как вспоминал впоследствии Жуков, “он сказал, что рабочий класс, солдаты и крестьяне России не признают больше царя Николая II, не признают капиталистов и помещиков. Русский народ не желает продолжения кровавой империалистической войны, ему нужны мир, земля и воля. Военный окончил свою короткую речь лозунгами: “Долой царизм! Долой войну! Да здравствует мир между народами! Да здравствуют Советы рабочих и солдатских депутатов! Ура!”

Солдаты ответили дружным: “Ура!”

Спустя некоторое время в полку был создан солдатский комитет. Первоначально Комитет арестовал офицеров, которые отказывались выполнять его решения, а значит, подчиняться. Среди арестованных оказался и командир 6-го эскадрона ротмистр фон дер Гольц.

По воспоминаниям Жукова, большевики в их полку быстро перехватили власть. В основном делами заправляли офицеры. Начали избирать делегатов в полковой Совет и эскадронный солдатский комитет. Шумели недолго, делегатами избрали поручика Киевского и солдата из первого взвода. Солдата звали Петром. Оказалось, земляк — калужский, родом из Мосальска, оттуда и призывался. А председателем солдатского комитета единогласно избрали Жукова.

Временное правительство, министры, депутаты, эсеры, меньшевики, кадеты, анархо-коммунисты, анархо-индивидуалисты, анархо-синдикалисты... Но всю эту разногласицу покрывали лозунги большевиков, их лидеров. Большевики глубже и тоньше почувствовали настроения и жажду народных масс и дали им идею, от которой невозможно было отказаться. “Советская власть уничтожит окопную страду. Она даст землю и уврачает внутреннюю разруху. Советская власть отдаст всё, что есть в стране, бедноте и окопникам. У тебя, буржуй, две шубы — отдай одну солдату. У тебя есть тёплые сапоги? Посиди дома. Твои сапоги нужны рабочему...” — так агитировал солдат Петроградского гарнизона, председатель Петросовета и инициатор создания в Петрограде военно-революционного комитета Лев Троцкий.

Такие простые и понятные речи сыпались на темя измученных затянувшейся войной солдат и обозлённых неопределённостью петроградских рабочих долгожданной манной небесной. Прощай, проклятый воночий окоп! Земля... Наконец-то помещичья земля станет крестьянской! А шуба и тёплые сапоги вконец добывали растерявшегося от счастья солдата из бывших крестьян или наёмных работников, таких, каким в то время был и Жуков. Ведь слушая эти слова — о земле и воле — Жуков думал о своих родных в Стрелковке и Чёрной Гязи, о земляках Угодско-Заводской волости, о тяжком их, беспросветном существовании. И вот появилась сила, которая обещает его родным, труженикам и беднякам, всё, чего они были лишены и о чём всю жизнь мечтали. И эта сила готова взять власть!

Итак, судьба прибила нашего героя к большевикам. Впрочем, он сам, осознанно выбрал этот путь. Тогда ещё можно было выбирать. Никто за уклон и отступничество не карал.

Постепенно большевистскую часть в полковом солдатском комитете захватили меньшевики и эсеры, “которые держали курс на поддержку Временного правительства”.

События октября 1917 года, которые вскоре перевернут жизнь России, Жуков встретил в эскадроне. На Украине Октябрь был осложнён сопротивлением юнкеров и казаков, которые 28 октября в Киеве окружили Мариинский дворец и арестовали заседавший там ревком в полном составе. Узнав об арестах, солдатские комитеты подняли гарнизон. Революционно настроенные отряды атаковали казармы Николаевского военного училища, овладели артиллерийскими складами, гарнизонной гауптвахтой и выпустили арестованных революционно настроенных солдат и офицеров. Но тем временем Центральная рада стянула к Киеву верные войска, сформированные из солдат и офицеров, настроенных националистически. “Вольные казаки” и гайдамаки Петлюры дрались за провозглашённую ими Украинскую народную республику. Когда самостийщики ворвались в Киев и другие крупные города Украины, начались повальные кровавые расправы над красногвардейцами. Рада не признала законности Октябрьской революции в Петрограде и власти большевиков. Подразделения и отряды, подчинявшиеся Временному правительству и симпатизировавшие большевикам, тоже разоружались и распускались.

А дальше слово самому участнику тех событий: “Кончилось тем, что в начале осени 1917 года некоторые подразделения перешли на сторону Петлюры.

Наш эскадрон, в состав которого входили главным образом москвичи и калужане, был распущен по домам солдатским эскадронным комитетом. Мы выдали солдатам справки, удостоверяющие увольнение со службы, и порекомендовали им захватить с собой карабины и боевые патроны. Как потом выяснилось, заградительный отряд в районе Харькова изымал оружие у большинства солдат. Мне несколько недель пришлось укрываться в Балаклее и селе Лагери, так как меня разыскивали офицеры, перешедшие на службу к украинским националистам”.

Нечто подобное в эти же дни пережил фейерверкер и будущий маршал Советского Союза Иван Конев, находившийся неподалёку, под Киевом, в составе артиллерийского дивизиона гвардейского Кирасирского полка. “Полк категорически отказался украинизироваться, что, по единственному решению офицеров и кирасир, было явно недопустимым для старого русского гвардейского полка”. Конев в одной из своих послевоенных бесед с Константином Симоновым рассказал, как гайдамаки разоружали их дивизион. “Я прятал шапку и наган под полушубком, — рассказывал Иван Степанович Симонову, — мне за это здорово попало. Все командиры перешли на сторону гайдамаков. Наш дивизион был настроен революционно, многие поддерживали большевиков, поэтому Рада приняла решение дивизион расформировать и отправить на родину”.

Дальнейшая судьба двух будущих маршалов весьма схожа: Конев отправился в родную деревню Лодейно под Великим Устюгом, а Жуков — в Стрелковку под Малоярославцем.

Жуков в мемуарах указывает дату своего приезда в Москву: 30 ноября 1917 года. Многие тогда возвращались в Москву с фронта. Много было дезертиров. Воспоминания нашего героя о той поре полнотой не грешат. Всё предельно кратко, как в анкете. “Декабрь 1917 и январь 1918 года я провёл в деревне у отца и матери и после отдыха решил вступить в ряды Красной гвардии”.

В Москве, уже большевистской, Жуков не задержался. Но можно предположить, что к дядюшке Михаилу Артемьевичу Пилихину, чтобы повидаться с двоюродными братьями и сёстрами, он всё же заехал.

Предусмотрительный и мудрый Михаил Артемьевич к тому времени своё дело ликвидировал и жил со своей семьёй тихо и смиренно, как простой московский обыватель. Некоторых дочерей выдал замуж, сыновей пережил. Жизнь продолжалась. Младший брат Михаила Артемьевича Иван Артемьевич Пилихин, все эти годы работавший в мастерской брата мастером, скопив кое-какой капитал, открыл собственное дело. В Дмитровском переулке купил конюшню. Часть её перестроил в квартиру. Занимался лошаадьми и скорняжным делом, выступал на московском ипподроме на собственном жеребце по кличке Пороль Донер.

Новости от родни Жуков услышал разные — и хорошие, и тревожные. Михаил Артемьевич приезде племянника был рад. Рад, что тот вернулся с войны живым и здоровым. О контузии Жуков помалкивал. Хотя вскоре обнаружилось, что временами он плохо слышит.

На родине царили нищета и разорение.

Ещё в 1913 году у Константина Артемьевича Жукова закончился срок полномочий как представителя общины деревни Стрелковки на волостных сходах в Угодском Заводе. С той поры из-за преклонных лет на общественную должность, которая давала кое-какое положение и достаток, его не избирали. После ухода Георгия на фронт положение семьи и вовсе пошло вниз. Устинья, видя полный упадок, обратилась к местным властям с просьбой и помощи. Краевед и биограф Жукова А. И. Ульянов пишет: “Комиссия, побывав у них дома, выяснила, что отец призванного “по дряхлости всякую трудоспособность утерять, мать содержать мужа... и сохранять своё хозяйство до прибытия сына с войны без посторонней помощи не может, ввиду чего хозяйству и семье грозит полное разорение”. Жуковы имели дом, хозяйственный двор, лошадей, корову. В те годы положение многих крестьянских семей резко ухудшилось. Поэтому просьба Устиньи, хотя и подкреплённая волостным попечительством, видимо, осталась безответной”.

Что и говорить, куда, если не к большевикам, оставалось идти унтер-офицеру из такой семьи?

Но, как говорят, беда не ходит одна. Не успели родители и родня порадоваться возвращению своего героя домой, как Георгий заболел. Извечный спутник затяжной войны — сыпной тиф — косил людей не только на фронте, но и в тылу. “В начале февраля тяжело заболел сыпным тифом, — вспоминал маршал, — а в апреле — возвратным тифом. Своё желание сражаться в рядах Красной армии я смог осуществить только через полгода, вступив в августе 1918 года добровольцем в 4-й кавалерийский полк 1-й Московской кавалерийской дивизии”.

По всей вероятности, здесь Жуков не совсем точен. Жанр мемуаров — вольный жанр. Дело в том, что ещё в конце мая 1918 года ВЦИК издал постановление “О принудительном наборе в Рабоче-Крестьянскую Красную армию”. По этому постановлению унтер-офицер Жуков подлежал призыву, но болезнь не пустила его. И если бы не своевременная помощь земского доктора Николая Васильевича Всесвятского, кто знает, каким бы мог быть исход. Доктор Всесвятский поднял Жукова на ноги, спас от смерти. Спустя год земский врач Николай Васильевич Всесвятский заразился от большого тифом и умер в возрасте сорока пяти лет от роду.

В 1938 году Жуков собственноручно написал в автобиографии: “В РККА — с конца сентября 1918 года по мобилизации. Службу начал в 4-м Московском полку (кавалерийском) с октября 1918 года”.

Что ж, в 38-м году память у Жукова была моложе, да и год такой, что в анкетах ошибки допускать было опасно. Так что, скорее всего, Жуков из Стрелковки уехал в Москву и там был призван по “принудительному набору”.

Его зачислили в 4-й полк 1-й Московской кавалерийской дивизии рядовым. В полку сразу же освоился, записался в сочувствующие большевикам, а 1 марта 1919 года первичная ячейка 4-го кавполка приняла Жукова кандидатом в члены партии. Через год с небольшим, а именно 8 мая 1920 года из кандидатов он был принят в члены РКП(б).

Выписка “из протокола № 10 собрания членов ячейки РКП(б) при 1-х Рязанских кавалерийский командных курсах РККА.

Под председательством П. Ковчегова и секретарём М. Шутовым.

Повестка дня:

1) Об утверждении кандидатов партии в члены РКП:

Слушали 21 член: ...Об утверждении тов. Рвачёва и тов. Жукова из кандидатов в члены РКП (большевиков)...

Постановление: утвердить тов. Рвачёва постановили единогласно при 7 “за”, 1 “воздержался” и тов. Жукова принять постановили единогласно при 9 “за”...

В стране полыхала гражданская война.

Глава седьмая

ВТОРАЯ ВОЙНА

“Среди казаков — полное смятение...”

Первая кавалерийская дивизия Московского военного округа, с которой Жуков прибыл на фронт, была сформирована на основании приказа Высшего военного совета № 54 от 19 июня 1918 года. Полки её дислоцировались в разных районах Москвы. 4-й кавалерийский — в Октябрьских казармах на Ходынке.

Кстати, именно здесь, в Николаевских казармах, после октября 17-го переименованных в Октябрьские, находилась учебная команда 2-й Гренадерской артиллерийской бригады, в которой два года назад учился будущий боевой товарищ и соперник Жукова Иван Степанович Конев. Отсюда к чине фейерверкера Конев отбыл на Юго-Западный фронт. Судьба и войны их будут сводить и разводить всю жизнь. И об этом мы ещё расскажем...

Весной 1919 года четырёхсоттысячная армия Колчака захватила несколько крупных городов и подступила к Казани и Самаре. После взятия этих поволжских городов Верховный правитель России намеревался двинуть свои войска на Москву. Одновременно армия генерала Деникина атаковала по всему фронту с юга, прорвала оборону большевиков в нескольких местах, захватила Донбасс, часть Украины, Белгород, Царицын. После короткой перегруппировки началось наступление на Москву. Положение осложнял Чехословацкий корпус Австро-венгерской армии, по стечению обстоятельств оказавшийся растянутым по Транссибирской магистрали от Пензы до Владивостока. В руках легионеров оказались крупные станции, города, связь, важнейшие коммуникации.

Для молодой Советской республики всё складывалось очень скверно. Казалось, ещё одно усилие — и офицерские полки и казачьи сотни прорвутся в центр России, поднимут на штыки московских комиссаров, и с большевизмом будет покончено. Но Советское правительство объявило массовую мобилизацию под лозунгом “Все на борьбу с Деникиным!” На Восточном фронте гремел другой лозунг большевиков и сочувствующих: “Колчака за Урал!”

На Восточный фронт был брошен полк, в котором служил Жуков. Сюда же, к Самаре, прибывали из центра новые и новые формирования. Это были недавно сформированные, неплохо экипированные и хорошо вооружённые части новой Красной армии.

Красная армия была создана на основании Декрета Совета народных комиссаров РСФСР “О Рабоче-Крестьянской Красной армии” от 15.01.18.

В своих мемуарах маршал пишет, что сразу после болезни, заставившей его проваляться в постели всю зиму и весну 18-го года, в конце сентября он поехал в уездный Малоярославец, чтобы добровольно вступить в только что созданную Красную армию. Но принят, по его словам, не был, так как следы болезни свидетельствовали о его непригодности для службы. И тогда он отправился в Москву.

Ни в деревне, ни в уезде делать ему было нечего. В стране начались большие перемены, и судьба этих перемен решалась не в уездах.

Из “Воспоминаний и размышлений”: “Наш кавалерийский полк двигался на Восточный фронт.

Помню момент выгрузки нашего полка на станции Ершов. Изголодавшиеся в Москве, красноармейцы прямо из вагонов ринулись на базары, купили там каравай хлеба и тут же начали их поглощать, да так, что многие заболели. В Москве-то ведь получали четверть фунта плохого хлеба да щи с кониной или воблой. Зная, как голодает трудовой народ Москвы, Петрограда и других городов, как плохо снабжена Красная Армия, мы испытывали чувство классовой ненависти к кулакам, контрреволюционному казачеству и интервентам. Это обстоятельство помогло воспитывать в бойцах Красной Армии ярость к врагу, готовность их к решающим схваткам”.

Что и говорить, воспитание голодом — самое сильное и действенное. Оно быстро ставит человека в строй, безошибочно определяет ему место и указывает путь.

Путь Жукова и его боевых товарищей лежал к Уральску. Здесь, на фронте 4-й армии, сложилась самое тяжёлое положение. Белые, развивая наступление на Самару и Саратов, блокировали Уральск.

Город был плотно осаждён казаками генерала Толстова. Гарнизон — 22-я стрелковая дивизия и отряды рабочих, — отрезанный от основных сил южной группы войск Красной армии, сражался из последних сил. Южной группой командовал М. В. Фрунзе. На помощь осаждённому Фрунзе бросил 25-ю Чапаевскую дивизию и 1-ю Московскую кавалерийскую, 3-ю бригаду 33-й стрелковой дивизии и отдельные отряды.

Четвёртый кавалерийский полк вышел к станции Шипово. Разъезды передового боевого охранения вскоре донесли: впереди несколько сотен казаков, движутся встречным маршем. И вот под станцией Шипово красные конники схватились во встречном сабельном бою с восемьюстами уральских казаков.

Казачий полк — 400 сабель. В военное время — 600. Под Шипово на 4-й кавполк навалилась большая сила — до семи сотен. Казачья сотня — 110–115 всадников. Эскадроны развернулись и кинулись навстречу. Рубка была отчаянной, жестокой и непродолжительной. Дело решил неожиданный и лихой маневр полковых артиллеристов. Когда первая волна кавалеристов и казаков сошлась, и с сёдел полетели порубанные тела тех и других, а эскадроны и сотни второй и последующих волн пришпоривали своих коней, развёртывая строй, чтобы в свою очередь кинуться в гущу рубки, из-за насыпи во фланг казакам выскочил эскадрон с пушкой. “Артиллеристы — лихие ребята — на полном скаку развернули пушку и ударили белым во фланг. Среди казаков — полное смятение”, — так маршал спустя десятилетия рисовал картину боя при станции Шипово.

Нам, конечно же, интересны были бы подробности этой схватки, детали. Но на частности мемуарист оказался весьма скуп.

Уральский гарнизон был деблокирован чапаевцами. Свою задачу выполнили и кавалеристы.

В это время произошло некое событие, которое, возможно, произвело на Жукова сильное впечатление. Потому что он внёс это в свои мемуары, хотя, как всегда, без особых подробностей.

“Во время боёв за Уральск мне посчастливилось увидеть Михаила Васильевича Фрунзе. Он тогда лично руководил всей операцией.

М. В. Фрунзе ехал с В. В. Куйбышевым в 25-ю Чапаевскую дивизию. Он остановился в поле и заговорил с бойцами нашего полка, интересуясь их настроением, питанием, вооружением, спрашивал, что пишут родные из деревень, какие пожелания имеются у бойцов. Его простота и обаяние, приятная внешность покорили сердца бойцов.

Михаил Васильевич с особой теплотой и любовью рассказывал нам о В. И. Ленине, говорил о его озабоченности в связи с положением в районе Уральской области.

— Ну, теперь наши дела пошли неплохо, — сказал М. В. Фрунзе, — белых уральских казаков разгромили и обязательно скоро добьём остальную контрреволюцию. Освободим Урал, Сибирь и другие районы от интервентов и белых. Будем тогда восстанавливать нашу Родину!

Мы часто потом вспоминали эту встречу...”

Вскоре 1-ю Московскую перебросили на новый угрожаемый участок — под Царицын. В бой дивизию не вводили. Полки стояли во втором эшелоне и усиленно занимались боевой учёбой, приводили себя в порядок после предыдущих схваток и потерь.

Однажды, почистив свою лошадь, Жуков возвращался во взвод — в то время он уже был помкомвзвода — и увидел, как кто-то из кавалеристов “выезжает” свою лошадь. Лошадь хорошая. По всей вероятности, недавний трофей. Хозяин к ней ещё не привык. В манеже он отрабатывал “подъём коня в галоп с левой ноги”. Приём непростой. Нужна выучка.

Жуков остановился. Всадник нервничал: у него ничего не получалось. “Конь, — как он впоследствии вспоминал свою встречу и знакомство с комиссаром дивизии и своим однофамильцем, — всё время давал сбой и вместо левой периодически выбрасывал правую ногу”.

— Укороти левый повод! Укороти! — по-командирски крикнул Жуков седоку.

Тот ничего не ответил, перевёл коня на шаг, подъехал к Жукову и сказал:

— А ну-ка, попробуй.

И только тут Жуков узнал комиссара дивизии Георгия Васильевича Жукова.

Жуков принял повод. Быстро и ловко подогнал под свой рост стремя. Легко вскочил в седло. Прошёл несколько кругов, чтобы привыкнуть к повадкам и характеру коня. На очередном круге поднял в галоп с левой ноги. Прошёл галопом круг, другой. Хорошо. Перевёл с правой — хорошо. Снова перевёл с левой — конь шёл без сбоя. Умный, хороший конь. Командирский. Такого коня иметь на войне — счастье.

Комиссар удивлённо покачал головой.

— Надо вести его покрепче в шенкелях, — сказал Жуков наставительно.

Тот на наставления не обиделся, рассмеялся. Глядя на ладную посадку кавалериста, на точные его движения, в которых чувствовалась выучка и опыт, спросил:

— Ты сколько сидишь в седле?

— Четыре года. А что?

— Так, ничего. Сидишь неплохо.

Они разговорились. Комиссар, по долгу своей комиссарской службы, поинтересовался, где его тёзка начал службу, где воевал, когда был призван в Красную армию. Конечно же, спросил о партийности. Рассказал и о себе: в кавалерии десять лет, воевал, привёл в Красную гвардию из старой армии значительную часть своего полка.

С тех пор, с душевного разговора в манеже между ними завязались хорошие отношения. Однажды комиссар Жуков предложил кавалеристу Жукову перейти на политработу. Ему как раз требовался толковый и грамотный политработник, помощник. Но кавалерист мягко отказался.

— Нет, товарищ комиссар, политработа — дело не моё. Больше люблю строевую службу. Думаю, что и партии, и Красной армии буду больше полезен в строю.

— Ну, хорошо, тогда пошёл тебя на курсы красных командиров. При первой же возможности. Пойдёшь?

— А вот за такое доверие — спасибо. На курсы пойду с удовольствием.

Но дальнейшие события отодвинули учёбу и курсы на неопределённое время. Белые неожиданно переправились через Волгу на левый берег и захватили село Заплавное между Чёрным Яром и Царицыном. Главнокомандующий вооружёнными силами Юга России генерал А. И. Деникин гнал свои дивизии вперёд, всё ещё надеясь соединиться с Уральской армией и образовать единый фронт против большевиков. Село Заплавное находилось в непосредственной близости от места дислокации 1-й Московской кавалерийской дивизии, поэтому её полки и подразделения тут же были втянуты в тяжёлые бои.

Белые шли напролом. В мемуарах Жуков упоминает об офицерских полках, действовавших на их участке. И здесь в одном из боёв Жуков был ранен. Произошло это в октябре 1919 года.

Из “Воспоминаний и размышлений”: “В бою между Заплавной и Ахтубой во время рукопашной схватки с белокалмыцкими частями меня ранило ручной гранатой. Осколки глубоко врезались в левую ногу и левый бок, и я был эвакуирован в лазарет, где ещё раз, кроме того, переболел тифом”.

Жукову и на этот раз повезло. Из боя, раненого и теряющего сознание, его вынес эскадронный политрук и старый большевик Антон Митрофанович Янин. Жуков и Янин дружили. Боевые друзья-товарищи — это серьёзно, крепко. Сам погибай, а товарища выручай...

Янин сам был ранен, но легко. Когда раненых начали отправлять в тыл, Янин запряг лёгкую рессорную бричку, уложил на неё товарища и погнал коня в сторону Саратова. Там, в лазарете, работала подруга политрука — Полина Николаевна Волохова. Она-то и позаботилась о том, чтобы раны Жукова поскорее зажили — пригласила ухаживать за молодым командиром свою младшую сестру, гимназистку, как уточняют биографы маршала.

И тут начинается история, клубок которой так туго и ожесточённо затянут спорящими сторонами, что пытаться распутывать его, даже в такой обширной книге, как эта, — затея абсолютно безнадежная. Когда дело касается наследства, когда вскипают обиды отвергнутой женщины, сюжет любого романа начинает двоиться, трояться и так далее. И который из них настоящий — понять совершенно невозможно.

А сейчас, следуя сложившейся легенде и не отказывая нашему герою в проявлении тех человеческих чувств, которыми бурлит и цветёт здоровая молодость, скажем, что он влюбился. Мужчиной он, судя по многим свидетельствам и поступкам, был пылким, влюбчивым. Ведь даже в зрелые лета влюблялся, как мальчишка. А что уж говорить про те неполные двадцать три, когда он однажды, лёжа в лазарете, открыл глаза и увидел над собой лицо девушки, поразившее его своей красотой и юной чистотой. После фронта, крови, ужаса кавалерийских атак, после рубок, бессонницы и постоянного напряжения в ожидании вражеской пули, тишина лазарета и голубые глаза “белой голубки” не могли не ранить сердце солдата!..

Но любовь эта была недолгой. Как и всё на войне.

Сёстры Волоховы вернулись к себе на родину в Полтаву.

Жукова в госпитале снова сразил тиф. После выздоровления он получил месячный отпуск на родину.

Родина на него всегда действовала лучше всяких лекарств и снадобий.

Между тем, жизнь в Стрелковке не налаживалась. Всё стало ещё беднее и унылей. Только Протва и лес радовали взгляд, манили к себе, навевали воспоминания юности. Казалось, что всё было только вчера, а вдуматься — прошла целая жизнь. Народу в Стрелковке заметно поубавилось: девушки вышли замуж в другие деревни, друзья детства и юности разлетелись, кто куда: кто — в Москву, кто — на войну. А кто и сгинул ещё несколько лет назад, в Галиции или Мазурских болотах...

Отец совсем состарился, сторбился. Но ещё тюкал своим молотком, чинил соседям изношенные сапоги. Смотрел на мир добрыми глазами. Мать, как и прежде, тянула воз за двоих.

Зашёл к соседям Жуковым. Прочитал им письмо от их сына, Пашки Жукова, друга детства. Пашка служил в Красной армии. Письмо он получил от него под Царицыном. Берёг. Всюду возил с собой, как частичку родины. Пашкины родители всплакнули.

“Дорогой друг Георгий!

После твоего ухода в Красную армию почти все наши друзья и знакомые были призваны в армию. Мне опять не повезло. Вместо действующей армии меня послали в Воронежскую губернию с продотрядом выкачивать у кулаков хлеб. Конечно, это дело тоже нужное, но я солдат, умею воевать и думаю, что здесь мог бы вместо меня действовать тот, кто не прошёл хорошую школу войны. Но не об этом я хочу тебе написать.

Ты помнишь наши споры и разногласия по поводу эсеров. Я считал когда-то их друзьями народа, боравшимися с царизмом за интересы народа, в том числе и за интересы крестьян. Теперь я с тобой согласен. Это подлецы! Это не друзья народа, это друзья кулаков, организаторы всех антисоветских и бандитских действий.

На днях местные кулаки под руководством скрывавшегося эсера напали на охрану из нашего продотряда, сопровождавшую конный транспорт хлеба, и зверски с ней расправились. Они убили моего лучшего друга Колю Гаврилова. Он родом из-под Малоярославца. Другому моему приятелю, Семёну Иванишину, выкололи глаза, отрубили кисть правой руки и бросили на дороге. Сейчас он в тяжёлом состоянии. Гангрена, наверное, умрёт. Жаль парня, был красавец и удалой плясун. Мы решили в отряде крепко отомстить

этой нечисти и воздать им должное, да так, чтобы запомнили на всю жизнь. Твой друг Павел”.

В 1922 году Жуков узнал и о горькой судьбе Павла: друг детства погиб на Тамбовщине во время подавления восстания крестьян.

Гражданская война — самая жестокая война. Брат идёт на брата. В какой-то момент мерилом любви и ненависти стал хлеб. Обратная сторона хлеба — голод. Перед лицом голода границы жестокости и милосердия размываются, исчезают, и всё кажется оправданным...

Удивительное дело: они, солдаты Первой мировой, а теперь и гражданской, по-прежнему оставались крестьянскими сыновьями, и их душа болела, прежде всего, о родине, о родных своих земляках. Они знали, за что и за кого воевали и умирали.

Отпуск пролетел быстро. Жуков явился в военкомат. Попросился, чтобы направили в действующую армию. Но медицинскую комиссию не прошёл — слаб физически, организм ещё полностью не восстановился. И тогда военком, порывшись в своих бумагах, вдруг объявил:

— Вот, в Твери запасной батальон, с последующим направлением на курсы красных командиров.

Из Твери его направили в Рязанскую губернию на станцию Старожилово. Там размещались 1-е Рязанские кавалерийские курсы РККА.

Жукова зачислили в 1-й эскадрон. Командир эскадрона, бывший офицер русской армии В. Д. Хламцев, побеседовал с вновь прибывшим и, когда узнал его чин в старой армии и что за плечами Жукова две войны, тут же назначил его на должность старшины эскадрона. Учёба на курсах мало чем отличалась от учебной команды. Правда, здесь давали ещё и достаточно основательное общее образование.

“Сведения об успехах товарищей курсантов 1-го приготовительного отделения (репетиции и экзамены).

	Репетиции	Экзамен
13. Жуков Георгий		
Русский язык	4	4—
Арифметика	4	4+
География	4+	4
Гигиена	4	5
Военная администрация	5	5
Политграмота	5	5
Уставы	5	5

Решение педагогического комитета — переводится в специальное отделение.

Заведующей учебной частью В. Ротт”.

Как видим, специальные военные дисциплины Жуков знал на “отлично”.

Среди документов 1-х Рязанских кавалерийских курсов обнаружен протокол внеочередного собрания партячейки, на котором разбиралось персональное дело одного из курсантов. Жуков выступил против отчисления своего однокурсника и одновременно высказал своё мнение о несправедливости по отношению к фронтовикам.

— Почему красным офицерам, приехавшим с фронта, устроили аттестационную комиссию, какой не должно быть для красных командиров? — спросил он на собрании, обращаясь к комиссару курсов.

Из “Воспоминаний и размышлений”: “Стрелковые командные кадры состояли главным образом из старых военных специалистов — офицеров. Работали они добросовестно, но несколько формально — “от” и “до”. Воспитательной работой занимались парторганизация и политаппарат курсов, общеобразовательной подготовкой — воензированные педагоги”.

Всякая учёба — учёба. Иному курсы — академия, после которой он становится хорошим командиром, уверенно управляет своим подразделением,

хладнокровно и расчётливо руководит боем, при необходимости может заменить выбывшего по причине ранения или смерти вышестоящего командира. Другому и академия не на пользу...

Наш герой к тому времени, кажется, уже определился в жизни. Армия ему нравилась. Кавалерийское дело освоил основательно. Начинать в дивизии “первой шашки России”, а теперь продолжал обучение у офицеров старой армии. Дисциплину любил и прекрасно понимал, что именно она и в бою, и в службе — основа успеха и победы. Но пай-курсанта из него не вышло. Что уж он там натворил, из дошедших до нас документов неясно. В своих мемуарах Жуков тоже эту историю даже не упоминает. Но вот что опубликовал в своих исследованиях биограф маршала Валерий Краснов:

“Из приказа по 1-м Рязанским кавалерийским курсам
Командного состава РККА
№ 211 (село Старожилово) от 31 июля 1920 года

Убывшего в распоряжение Рязгубвоенкомата курсанта т. Жукова Георгия (старшина 1-го эскадрона), откомандированного за нарушение воинской дисциплины, исключить из списков Курсов курсантов 1-го эскадрона с 29 июля, провиантского, приварочного с 31 июля, чайного, табачного, мыльного с 1 августа и денежного довольствия с 1 июля...”

Правда, уже через неделю руководитель курсов сменил гнев на милость и, должно быть, в связи с изменившимися обстоятельствами издал другой приказ — о том, что “прибывшего из ГУВУЗа для окончания курса старшину курсантов т. Жукова Георгия зачислить в списки курсантов 1-го эскадрона с 5-го августа, провиантское, приварочное, чайное, табачное, мыльное с 1 августа и денежное довольствие с 1 июля с. г.”

Среди курсантов Жуков выделялся своим опытом и великолепными кавалерийскими навыками. Неплохо владел винтовкой и приёмами штыкового боя. В седле держался так, что ему могли позавидовать потомственные казаки. Поскольку уже тогда начал проявлять явные командирские черты, преподаватели, видя его рвение, дали возможность развиваться и этим его чертам. Старшина эскадрона часами занимался с курсантами как преподаватель и наставник — обучал приёмами штыкового боя, владению шашкой и пикой.

К лету 1920 года обострилось положение на юге России. Белье, понимая, что затяжные позиционные бои ведут к постепенному истощению их сил и средств, а значит, к неминуемому поражению, предприняли отчаянную и дерзкую попытку вырвать инициативу из рук красных. Штаб генерала Врангеля разработал операцию, которая должна была коренным образом изменить ход войны. Из Крыма на Кубань выступила группа особого назначения: около 8 000 человек при 12 орудиях, 120 пулемётах, 8 аэропланах. Группу поддерживал отряд броневиков. Командовал десантом генерал С. Г. Улагай. Улагаевскому десанту вначале сопутствовал некоторый успех, но вскоре продвижение его застопорилось контратаками красных. Часть казачьих станиц встала под знамёна белых, но массового восстания против большевиков, на что рассчитывал Врангель, планируя эту операцию, не произошло. Красная армия к тому времени была уже достаточно сильна, и в дело были брошены резервы, в том числе и сводная 2-я Московская курсантская бригада. Она состояла из курсантов, прибывших в Москву из Твери, Рязани и других городов. Костяк её составляли слушатели различных курсов, находившихся в самой Москве.

Из “Воспоминаний и размышлений”: “В середине июля курсантов спешно погрузили в эшелоны. Никто не знал, куда нас везут. Видели только, что едем в сторону Москвы. В Москве курсы сосредоточили в Лефортовских казармах, где уже были расквартированы тверские и московские курсанты. Нам объявили, что курсы войдут во 2-ю Московскую бригаду курсантов, которая будет состоять из двух пехотных полков и одного кавалерийского. Бригада будет направлена на врангелевский фронт. Мы получили всё необходимое боевое снаряжение и вооружение. Экипировка и конская амуниция были новые, и внешне мы выглядели отлично.

В Москве у меня было много родственников, друзей и знакомых. Хотелось перед отправкой на фронт повидать их, особенно ту, по которой страдало молодое сердце, но, к сожалению, я так и не смог никого навестить. Командиры эскадрона, часто отлучавшиеся по различным обстоятельствам, обычно оставляли меня, как старшину, за главного. Пришлось ограничиться письмами к знакомым. Не знаю, то ли из-за этого или по другой причине, между мной и Марией произошла размолвка. Вскоре я узнал, что она вышла замуж, и с тех пор никогда её больше не встречал”.

Мария — это вовсе не та, которая совсем недавно его выхаживала в лазарете. Не “гимназистка Волохова”, а другая, таинственная Мария, хозяйская дочь из московского дома, где он когда-то, в другой жизни, работая в скорняжной мастерской и магазине дядюшки Михаила Артемьевича, снимал комнату. Судя по всему, встречи с нею он больше не искал. Солдатская жизнь относилась к нему туда, где для личной жизни времени оставалось до обидного мало.

Похоже, что пока на любовном фронте наш герой терпел поражение за поражением. Вначале Нюра Синельщикова из Стрелковки, а теперь Мария, которую, как ему тогда казалось, он тоже нежно любил.

Но судьба несла, уносила его к другим берегам, глубоко прорезая тот предначертанный, единственный путь и всё остальное делая второстепенным.

Конечно, в Москве хотелось повидать родню. О судьбе Александра он уже знал из писем младшего брата Михаила: Сашка добровольцем ушёл в Красную армию и был убит в бою под Царицыном. Михаил тоже на фронте в Красной армии, где-то воюет.

В начале августа 1920 года сводный курсантский полк сосредоточился под Екатеринодаром. Начались бои. Полк действовал в районе станиц Урупской, Бескоробной, Отрадной, Степной.

Когда Улагай отступил обратно в Крым, и на фронте наступило некоторое затишье, курсантов направили в Армавир. Здесь у них приняли экзамены и тут же зачислили командирами взводов. Большинство однокурсников Жукова были направлены в 14-ю отдельную кавалерийскую бригаду, по-прежнему занятую ликвидацией остатков улагаевских отрядов. Сюда же, в 1-й кавалерийский полк попал и Жуков.

Чуть позже он узнал, что большинство его товарищей по Рязанским курсам, в составе сводного полка продолжавших преследование отходящих войск генерала Улагая, попали в засаду в горах Дагестана. При этом многие были убиты, а другие взяты в плен и зверски замучены.

Из донесения командира 1-го кавполка начальнику штаба кавалерийской бригады 14-й стрелковой дивизии имени А. К. Стёпина о прибывших в полк командирах:

“...15. Георгий Константинович Жуков.

Род оружия — кавалерия.

На какую должность назначен — на должность командира взвода.

Год, месяц, число назначения — 1920 г<од>, 19 октября.

С какой должности назначен и какие занимал должности в старой армии — в должности командира взвода, в старой армии — вахмистр.

Краткая боевая характеристика и достоинство на высшую должность — в боевом отношении неизвестен, знания службы хорошие, исполнительен, член РКП”.

В донесении командира кавполка в штаб 14-й кавбригады, между прочим, о командире взвода Георгии Жукове говорится: “Образование: общее — 4 класса городского училища, военное — 1 Рязанские кавалерийские курсы”.

В то время членом Реввоенсовета Южного фронта служил Сталин.

Судьба пока держала их на расстоянии друг от друга. Но наступит время — и произойдёт это довольно скоро! — они окажутся рядом. В одном кабинете. За одним столом. У одной оперативной карты. На долгие годы.

1-м кавалерийским полком бригады, как вспоминал маршал, командовал старый казак, “храбрец и рубака” Андреев. И вот к нему в штаб и прибыло долгожданное пополнение — группа молодых командиров взводов.

Андреев взглянул на новоприбывших. Особенно долго разглядывал их красные революционные галифе. И сказал:

— Мои бойцы не любят командиров в красных штанах.

Взводные молчали.

— Красные штаны на передовой — это, знаете ли...

— Других нет, — вдруг сказал Жуков. — А этими нас обеспечила Красная армия.

Взводным было обидно. Красные революционные шаровары в войсках считались шиком. В некоторых частях, особенно обносившихся, они шли чуть ли не за ордена — как награды.

Комполка, между тем, продолжал в том же пренебрежительно-недоверчивом тоне:

— У нас бойцы больше из бывалых вояк. Не первую войну воюем. А обстрелянных и желторотых мы не жалуем. Так что тяжеловато вам придёт-ся на первых порах. Но — как себя покажете.

Жуков усмехнулся. И комполка тут же спросил его:

— Вот вам, товарищ Жуков, приходилось ли воевать?

И когда Жуков назвал номер своего полка и дивизии, когда перечислил все операции, в которых приходилось участвовать и в одной войне, и в другой, казак просветлел лицом и оживился:

— Выходит, ты, братец, рядом с Первой Донской казачьей дивизией воевал!

— Точно так! — обрадовался и Жуков. — Донцы-молодцы рядом наступали.

— Ну, тогда направляю вас в самый лучший эскадрон. Командиром там Вишневский. Бывалый рубака, человек, как говорят, строгий, но справедливый.

Прибыли в эскадрон. Командир эскадрона принял их весьма своеобразно. Он читал книгу. Когда они вошли в штабную избу, глаза поднял только на мгновение. Выслушал доклад и распорядился, всё так же не отрываясь от книги:

— Вы, Жуков, ступайте во второй взвод и принимайте его от Агапова. Вас, Ухач-Огорович, назначаю на четвёртый взвод. Всё, можете быть свободными. Идите и принимайте своё хозяйство. Потом доложите.

Агапов оказался пожилым усталым человеком. Воевал он уже не первую войну. Исполнял обязанности взводного после недавних боёв, когда выбыл командир. Старый кавалерист достал из кармана шинели список взвода и сказал:

— Во взводе тридцать человек. Все в наличии. Все старые, проверенные делом бойцы. За исключением четверых. Они прибыли недавно — пополнение. Народ, как говорится, пожилой, степенный. Но есть и с норовом.

И Агапов коротко рассказал о каждом. Это был один из тех незабываемых уроков будущего полководца, который преподнёс ему старый русский кавалерист. И эту науку Жуков усвоил сразу и навсегда — знать биографию каждого своего подчинённого и понимать его характер, предвидеть возможные его поступки и шаги.

— Горшков — рубака. И партизан.

— В каком смысле? — переспросил Жуков.

— В самом плохом. Вне строя любит попартизанить. По деревням там... По женской части. По продовольственной... Но в бою, в атаке — первый. Он сразу себя покажет. Такой. Но голос на него повышать не следует — обидчив. С ним лучше поговорить наедине: так, мол, и так, братец... Касьянов — пулемётчик. Пулемётчик, пожалуй, из лучших в эскадроне. Воронежский хохол. Надёжный. Опытный. Бой чует — как собака лису. Ему не надобно ставить задачу, время терять, он сам знает своё место, где занять позицию и какую цель первой поразить. А дальше трое неразлучных — Казакевич, Ковалёв, Сапрыкин. Они и в бою всегда рядом. Если куда посылать, то только всех троих. Гулеваны. В обороне за ними глаз да глаз... Этих, если что, и перед строем можно пропесочить. Пригрозить. И даже к комиссару полка отправить. Чтобы и он их, своим калибром, слегка поправил. Ко-

миссар у нас человек строгий и не любит, когда личный состав красноармейскую честь позорит.

Жуков выслушал Агапова и сказал:

— Вот что: назначаю вас своим помощником. А сейчас стройте взвод. Хочу познакомиться. Поговорить.

Построили взвод. Вот они, стоят, его молодцы — курские, воронежские, орловские, смоленские. Смотрят с прищуром и лёгкой насмешкой. Ну, ничего...

— Вот что, товарищи, — начал он. — Меня назначили вашим командиром. Хороший или плохой я командир, хорошие или плохие вы бойцы — это мы увидим в ближайшем бою. А сейчас я хочу посмотреть ваших коней и боевое снаряжение. Будем считать это нашим знакомством.

Начался осмотр. Взводный внимательно осматривал лошадей, просил поднять ногу, чтобы убедиться в том, что подкова сидит хорошо, а “стрелка” копыта прочищена, не забита грязью. Знакомился с красноармейцами: кто откуда родом, где воевал. А красноармейцы с тем же вниманием рассматривали его. Жуков заметил, что бойцы не спускают глаз с его штанов. И сказал взводу:

— Командир полка меня предупредил, что вы не любите красные брюки. Но вот какие дела, товарищи бойцы: Советская власть выдала мне эти, и то в долг, я их ещё не отслужил. А служить будем вместе. Что касается красного цвета вообще, то тут я вас могу успокоить: красный цвет — революционный цвет, и символизирует борьбу трудового народа за свою свободу и независимость.

Бойцы немного успокоились. Хотя перед боем порой шутили: сейчас, мол, пойдём вперёд с “красным знаменем”. И действительно, в первую же конную атаку, которая случилась через несколько дней в Приморском районе, Жуков кинулся во главе своего взвода с шашкой наголо. Храбрость и иные командирские качества нового взводного красноармейца оценили сразу, и отношения вошли в русло устава.

В том бою взвод атаковал в составе эскадрона. Влетели на позиции белых, порубали пулемётчиков, многих взяли в плен. Сами не потеряли ни одного человека.

Глава восьмая

В СОСТАВЕ КАРАТЕЛЬНОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

“После шести рукопашных схваток разбил банду...”

Вскоре Жукова назначили на эскадрон. И уже командиром эскадрона в составе всё той же 14-й отдельной кавалерийской бригады Жуков был направлен в Воронежскую губернию.

Здесь, возмущённые жестокостью продотрядов и произволом местных комбедов, восстали крестьяне богатых деревень и хуторов. К ним примкнули дезертиры, остатки разбитых белогвардейских отрядов, бывшие офицеры, прятавшиеся в здешней сельской глуши от диктатуры пролетариата. Вскоре разрозненные отряды мятежников были объединены в дивизию, дивизия разделена на полки, которые получили наименования — Старокалитвенский, Новокалитвенский, Дерезовский, Криничанский, Дерезоватский. Возглавил народное формирование бывший вахмистр и житель слободы Старая Калитва, что в сорока верстах от Россоши, Иван Сергеевич Колесников.

Этот воронежский Емелька Пугачёв был незаурядной личностью. Местные его побаивались и любили одновременно. За предательство мог зарубить шашкой. Не позволял своим хлопцам грабежей и реквизиций. Крестьяне говорили о нём: “Где Колесников, там и правда”. Его полки и эскадроны шли в бой против “коммуни”, продразвёрстки и мобилизации. На развёрнутых знамёнах были начертаны лозунги: “Против грабежей и голода!”, “Долой

уголовно-бандитскую власть предателей русского народа — коммунистов!”, “Да здравствует Великая, Единая и Неделимая Россия!”, “Да здравствует Учредительное собрание!”

Дивизия Колесникова долго не соединялась с мятежниками соседней губернии — Тамбовской, где восстание проходило под лозунгами и явным влиянием эсеров. Но обстоятельства заставили народного атамана из Старой Калитвы примкнуть к политизированным антоновцам. И уже в стане антоновцев бывший вахмистр и бывший большевик возглавил одну из армий. В эскадронах Колесникова воевали бывалые рубаки.

Воевать с такими, да при том, что мятежников всячески поддерживало, укрывало и подкармливало местное население, было непросто.

Понимали ли тогда командир красного эскадрона Жуков и его товарищи, что воевали со своим народом?

В мемуарах маршала размышления о сущности “тамбовского бунта” окрашены в однородный цвет — красный. Ни одного оттенка. Но иначе и не могло быть — кто бы позволил написать иначе, даже если бы в голове роились какие-то сомнительные мысли. Политически, так сказать, выдержанно, сухо, как в передовице главной партийной газеты: “Политическую организацию эсеров-кулацкого восстания возглавлял ЦК эсеров. Своей главной задачей он считал свержение Советской власти”.

Здесь, в дни проведения масштабной карательной экспедиции в Воронежской, Тамбовской и Саратовской губерниях, у Жукова произошли две встречи, которые во многом повлияли на его судьбу, на годы определили его семейное положение.

Из “Воспоминаний и размышлений”: “Вскоре командующим войсками по борьбе с антоновщиной был назначен М. Н. Тухачевский.

О Михаиле Николаевиче Тухачевском мы слышали много хорошего, особенно о его оперативно-стратегических способностях, и бойцы радовались, что ими будет руководить такой талантливый полководец.

Впервые я увидел М. Н. Тухачевского на станции Жердевка, на Тамбовщине, куда он приехал в штаб нашей 14-й отдельной кавалерийской бригады. Мне довелось присутствовать при его беседе с командиром бригады. В суждениях М. Н. Тухачевского чувствовались большие знания и опыт руководства операциями крупного масштаба.

После обсуждения предстоящих действий бригады Михаил Николаевич разговаривал с бойцами и командирами. Он интересовался, кто где воевал, каково настроение в частях и у населения, какую полезную работу мы проводим среди местных жителей.

Перед отъездом он сказал:

— Владимир Ильич Ленин считает необходимым как можно быстрее ликвидировать кулацкие мятежи и вооружённые банды. На вас возложена ответственная задача. Надо всё сделать, чтобы выполнить её как можно быстрее и лучше.

Мог ли я подумать тогда, что всего через несколько лет мне придётся встретиться с Михаилом Николаевичем в Наркомате обороны при обсуждении теоретических основ тактического искусства советских войск!..

С назначением М. Н. Тухачевского и В. А. Антонова-Овсенко борьба с бандами пошла по хорошо продуманному плану. Заместителем М. Н. Тухачевского был И. П. Уборевич, который одновременно возглавлял действия сводной кавалерийской группы и сам участвовал в боях с антоновцами, показав при этом большую личную храбрость.

Особенно сильные бои по уничтожению антоновских банд развернулись в конце мая 1921 года в районе реки Вороны, у населённых пунктов Семёновка, Никольское, Пуцино, Никольское-Перевоз, Тривки, Ключки, Екатериновка и у реки Хопер. Здесь хорошо действовали кавалерийская бригада Г. И. Котовского, кавбригада Дмитренко, Борисоглебские кавалерийские курсы и наша 14-я отдельная кавбригада под командованием Милонова. Но полностью уничтожить банду в то время всё же нам не удалось.

Основное поражение антоновцам было нанесено в районе Сердобска, Бакуры, Елани, где боевые действия возглавил И. П. Уборевич. Остатки раз-

громленной банды бросились врассыпную в общем направлении на Пензу. В Саратовской губернии они были почти полностью ликвидированы...”

Итак, красный маршал Тухачевский произвёл на командира эскадрона, судя по эпитетам, сильное впечатление. Но многие из этих эпитетов сразу, как только автор “Воспоминаний и размышлений” начинает ретроспективное инспектирование состояния войск Красной армии, её вооружения, снаряжения и технического оснащения, как только приступает к серьёзному анализу просчётов и поражений, — все эти поклоны превращаются в общие фразы, повисают в воздухе. Писатель и биограф Жукова Владимир Карпов сразу заметил эти несоответствия и зазоры: “Противоречия в оценках Жукова объясняются и цензурными барьерами, и усердием “доработчиков”. Да и сам Жуков в разговоре со своим биографом признался: “Книга воспоминаний наполовину не моя”.

Тем не менее, Жуков назвал имена главных героев трагедии на Тамбовщине: Ленина, Тухачевского, Антонова-Овсеенко, Уборевича, Котовского. Пожалуй, только Дзержинский и Склянский остались за пределами его воспоминаний. Но это были люди из другого ведомства, которое, как покажет дальнейшее, будет всегда враждебно ему, полководцу и солдату.

Вот основные требования приказа № 171 “демона Гражданской войны” Тухачевского, изданного им сразу по прибытии на Тамбовщину:

“1. Граждан, отказывающихся называть своё имя, расстреливать на месте без суда.

2. В селениях, в которых скрывается оружие, властью уполиткомиссии или райполиткомиссии объявлять приговор об изъятии заложников и расстреливать таковых в случае несдачи оружия.

3. В случае нахождения спрятанного оружия расстреливать на месте без суда старшего работника в семье.

4. Семья, в доме которой укрылся бандит, подлежит аресту и высылке из губернии, имущество её конфискуется, старший работник в этой семье расстреливается без суда.

5. Семьи, укрывающие членов семьи или имущество бандитов, рассматривать как бандитов, и старшего работника этой семьи расстреливать на месте без суда.

6. В случае бегства семьи бандита имущество таковой распределять между верными Советской власти крестьянами, а оставленные дома сжигать или разбирать.

7. Настоящий приказ проводить в жизнь сурово и беспощадно”.

А уже на следующий день Тухачевский, этот, по определению Жукова, “гигант военной мысли, звезда первой величины в плеяде выдающихся военачальников Красной Армии”, издал приказ о применении против повстанцев отравляющих газов, то есть химического оружия.

Осмелюсь предположить, что эти пафосные характеристики, столь несвойственные суровому и сдержанному стилю маршала, “доработали” те, кто головой отвечал по различным ведомствам — от КГБ до Генштаба и Главного политического управления — за “качество”, то есть политическое соответствие мемуаров маршала Победы генеральной линии партии и правительства. Вот ещё о тамбовском газозвике Тухачевском — в тех же “Воспоминаниях и размышлениях”: “Умный, широко образованный профессиональный военный, он великолепно разбирался как в области тактики, так и в стратегических вопросах. М. Н. Тухачевский хорошо понимал роль различных видов наших вооружённых сил в современных войнах и умел творчески подойти к любой проблеме...”.

Если иметь в виду ещё одну цитату из приказа, изданного Тухачевским на следующий день после приведённого выше, то слова Жукова, вольно или невольно, наполняются исторической иронией. Вот она, эта цитата: “Остатки разбитых банд и отдельные бандиты продолжают собираться в лесах, — говорилось в приказе тамбовского диктатора. — Леса, в которых укрываются бандиты, должны быть очищены с помощью удушающих газов. Всё должно быть рассчитано так, чтобы газовая завеса, проникая в лес, уничтожала там всё живое. Начальник артиллерии и специалисты, компетентные в

такого рода операциях, должны обеспечить достаточное количество газов”.

И ещё — из-под того же пера “гиганта военной мысли”, который всегда “умел творчески подойти к любой проблеме”, вышли следующие строки: “Без расстрелов ничего не получается. Расстрелы в одном селении на другое не действуют, пока в них не будет проведена такая же мера”.

Не будем давать никаких оценок этому документу. Воздержимся и от каких бы то ни было комментариев, ибо комментарий, как верно заметил мудрый Владимир Карпов, — это уже мировоззрение.

Атмосфера, которая царила в те дни на Тамбовщине, а также в соседних Воронежской и Саратовской губерниях, в целом не отличалась человеколюбием и благородством. Стороны вели жестокую войну, в которой не щадили ни своих противников, ни самих себя.

Вот как вспоминает Жуков один такой бой, в котором ему довелось участвовать. Произошло это близ села Вязовая Почта весной 1921 года.

“Рано утром наш полк в составе бригады был поднят по боевой тревоге. По данным разведки, в 10–15 километрах от села было обнаружено сосредоточение до трех тысяч сабель антоновцев. Наш 1-й кавполк следовал из Вязовой Почты в левой колонне; правее, в 4–5 километрах, двигался 2-й полк бригады. Мне с эскадром при 4 станковых пулеметах и одном орудии было приказано двигаться по тракту в головном отряде.

Пройдя не более пяти километров, эскадрон столкнулся с отрядом антоновцев примерно в 250 сабель. Несмотря на численное превосходство врага, развернув эскадрон и направив на противника огонь орудия и пулемётов, мы бросились в атаку. Антоновцы не выдержали стремительного удара и отступили, неся большие потери.

Во время рукопашной схватки один антоновец выстрелом из обрез убил подо мной коня. Падая, конь придавил меня, и я был бы неминуемо зарублен, если бы не выручил подоспевший политрук Ночёвка. Сильным ударом клинка он зарубил бандита и, схватив за поводья его коня, помог мне сесть в седло.

Вскоре мы заметили колонну конницы противника, стремившуюся обойти фланг эскадрона. Немедленно развернули против неё все огневые средства и послали доложить командиру полка сложившуюся обстановку. Через 20–30 минут наш полк двинулся вперёд и завязал огневой бой.

2-й полк бригады, столкнувшись с численно превосходящим противником, вынужден был отойти назад. Пользуясь этим, отряд антоновцев ударил нам во фланг. Командир полка решил повернуть обратно в Вязовую Почту, чтобы заманить противника на невыгодную для него местность. Мне было приказано прикрывать выход полка из боя.

Заметив наш маневр, антоновцы всеми силами навалились на мой эскадрон, который действовал уже как арьергард полка.

Бой был для нас крайне тяжёлым. Враг видел, что мы в значительном меньшинстве, и был уверен, что сомнёт нас. Однако осуществить это оказалось не так-то просто. Спасло то, что при эскадроне было 4 станковых пулемёта с большим запасом патронов и 76-мм орудие.

Маневрируя пулемётами и орудием, эскадрон почти в упор расстреливал атакующие порядки противника. Мы видели, как поле боя покрывалось вражескими трупами, и медленно, шаг за шагом, с боем отходили назад. Но и наши ряды редели. На моих глазах свалился с коня тяжело раненный командир взвода, мой товарищ Ухач-Огорович.

Это был способный командир и хорошо воспитанный человек. Отец его, полковник старой армии, с первых дней перешёл на сторону советской власти, был одним из ведущих преподавателей на наших рязанских командных курсах.

Теряя сознание, он прошептал:

— Напиши маме. Не оставляй меня бандитам.

Его, как и всех раненых и убитых, мы увезли с собой на пулемётных саянях и орудийном лафете, чтобы бандиты не могли над ними надругаться.

Предполагавшаяся контратака полка не состоялась: не выдержал весенний лёд на реке, которую надо было форсировать, и нам пришлось отходить до самой Вязовой Почты.

Уже в самом селе, спасая пулемёт, я бросился на группу бандитов. Выстрелом из винтовки подо мной вторично за этот день была убита лошадь. С револьвером в руках пришлось отбиваться от наседавших бандитов, пытавшихся взять меня живым. Опять спас политрук Ночёвка, подскочивший с бойцами Брыксиным, Юршковым и Ковалёвым.

В этом бою мой эскадрон потерял 10 человек убитыми и 15 ранеными. Трое из них на второй день умерли, в том числе и Ухач-Огорович, мой друг и боевой товарищ.

Это был тяжёлый для нас день”.

За тот бой Жуков и был представлен к ордену Красного Знамени. Из приказа РВСР за № 183 от 31 августа 1922 года:

“Награждён орденом Красного Знамени командир 2-го эскадрона 1-го кавалерийского полка отдельной кавалерийской бригады за то, что в бою под селом Вязовая Почта Тамбовской губернии 5 марта 1921 г<ода>, несмотря на атаки противника силой 1500–2000 сабель, он с эскадронам в течение 7 часов сдерживал натиск врага и, перейдя затем в контратаку, после шести рукопашных схваток разбил банду”.

Свой первый боевой орден наш герой заслужил в честном сабельном бою, где победу добывают храбростью, силой и ловкостью. Газами в том бою не пахло...

Народная молва, склонная к романтизации и поэтизации прошлого, когда прошлое уже не ощущает боли потерь, свидетельствует о том, что-де атаман Колесников и красный командир Жуков встретились именно в том бою. И сошлись на саблях. Ни тот, ни другой не смогли одолеть поединщика. И тот, мол, и другой почувствовали силу друг друга и разъехались.

Жуков в книгу мемуаров этот яркий эпизод почему-то не включил. Но рассказал его Константину Симонову: “В 1921 году мне пришлось быть на фронте против Антонова. Надо сказать, это была довольно тяжёлая война. В разгар её против нас действовало около семидесяти тысяч штыков и сабель. Конечно, при этом у антоновцев не хватало ни средней, ни тем более тяжёлой артиллерии, не хватало снарядов, бывали перебои с патронами, и они стремились не принимать больших боёв. Схватились с нами, отошли, рассыпались, исчезли и возникли снова. Мы считали, что уничтожили ту или иную бригаду или отряд антоновцев, а они просто рассыпались и тут же рядом снова появились. Серьёзность борьбы объяснялась и тем, что среди антоновцев было очень много бывших фронтовиков и в их числе унтер-офицеров. И один такой чуть не отправил меня на тот свет.

В одном из боёв наша бригада была потрёпана, антоновцы изрядно насыпали нам. Если бы у нас не было полусотни пулемётов, которыми мы прикрывались, нам бы вообще пришлось плохо. Но мы прикрывались ими, оправились и погнали антоновцев.

Незадолго до этого у меня появился исключительный конь. Я взял его в бою, застрелив хозяина. И вот, преследуя антоновцев со своим эскадронам, я увидел, что они повернули мне навстречу. Последовала соответствующая команда, мы рванулись вперед, в атаку. Я не удержал коня. Он вынес меня шагов на сто вперёд всего эскадрона. Сначала всё шло хорошо, антоновцы стали отступать. Во время преследования я заметил, как мне показалось, кого-то из их командиров, который по снежной тропке — был уже снег — уходил к опушке леса. Я за ним. Он от меня... Догоняю его, вижу, что правой рукой он нахлестывает лошадь плеткой, а шашка у него в ножнах. Догнал его и, вместо того чтобы стрелять, в горячке кинулся на него с шашкой. Он нахлестывал плеткой лошадь то по правому, то по левому боку, и в тот момент, когда я замахнулся шашкой, плетка оказалась у него слева. Хлестнув, он бросил её и прямо сходу, без размаха вынес шашку из ножен, рубанул меня. Я не успел даже закрыться, у меня шашка была ещё занесена, а он уже рубанул, мгновенным, совершенно незаметным для меня движением вынес её из ножен и на этом же развороте ударил меня поперёк груди. На мне был крытый сукном полушубок, на груди ремень от шашки, ремень от пистолета, ремень от бинокля. Он пересёк все эти ремни, рассёк сукно на полушубке, полушубок и выбил меня этим ударом из седла. И не подоспей здесь мой политрук, который зарубил его шашкой, было бы мне плохо.

Потом, когда обыскивали мёртвого, посмотрели его документы, письмо, которое он не дописал какой-то Галине, увидели, что это такой же кавалерийский унтер-офицер, как и я, и тоже драгун, только громаднейшего роста. У меня потом ещё полмесяца болела грудь от его удара”.

И похоже, и ещё похоже... О его “громаднейшем росте” Жуков, возможно, упомянул намеренно. Колесников был примерно такого же роста, как и его возможный соперник. В чекистских листовках, отпечатанных для красноармейцев с целью возможного опознания атамана, значилось буквально следующее: “среднего роста, блондин, коренастый...” Такую же ориентировку могли бы дать и на Жукова.

Но хроника событий на Тамбовщине подтверждает, что “22 марта у села Талицкий Чамлык, что на стыке современных Воронежской, Липецкой и Тамбовской областей, произошёл упорный встречный бой семи полков 1-й повстанческой армии с 14-й отдельной кавбригадой красных под командованием А. Милонова”, что “потери повстанцев в этом бою составили около трёхсот человек убитыми и ранеными”.

В местных хрониках на Тамбовщине и Воронежщине много легенд и былей. Рассказывают, что и защитники народа из дивизии Колесникова пополнение в свои сотни набирали так: залетят в которую-нибудь деревню, стонят к амбару мужиков, способных сесть на коня и держать в руках шашку, ствят пулемёт с заправленной лентой и объявляют: “Кто с нами — сюда, в шеренгу, а кто нет — туда”. — И сотник плетью указывает на стену амбара, куда смотрит пулемёт. Так что во время такой агитации и инвалиды на коней запрыгивали добрыми молодцами...

А погубила Колесникова женщина.

Говорят, чекисты внедрили в штаб калитвенского атамана свою сотрудницу — двадцатилетнюю Екатерину Вереникину. И была та Екатерина Вереникина такой красоты и женской прелести, что глаз не отвести. Увидел её Колесников и, как пишут про такие истории, кровь взыграла, а ум помутился.

Так оно и было. Вначале приблизил к себе, назначил на какую-то штабную должность, чтобы чаще иметь красавицу рядом. А потом...

Что — потом... Потом чекисты уничтожили лучший Старокалитвенский полк повстанцев, “по непонятным причинам вышедший на линию артиллерийского и пулемётного огня красных”. Погиб командир полка, брат атамана Колесникова Григорий. В руки чекистов попала вся канцелярия и архив повстанцев. Колесникова стали обкладывать, как волка. Теперь он был у них на виду. Звериное чутьё и осторожность, которые много раз спасали ему жизнь, оказались слабее женских чар и женского коварства.

Колесников был убит в бою близ села Дерезоватское. Его товарищи долго потом искали могилу. Но так и не нашли. И это обстоятельство породило легенду о том, что атаман не погиб. Действительно, часть его людей ушла к Харькову и соединилась с вольным войском батьки Махно. Мелкие отряды и группы какое-то время кружили по Тамбовщине, пока Советская власть не объявила амнистию.

Многие мужики вернулись в свои деревни. Сдали оружие и начали отстраивать пожжённые тухачевцами дома. О том, что потеряли и приобрели, старались не думать. Но порой под чарку вспоминали, как под рукою атамана Колесникова “воны гарно размахнулись”.

Человек, убитый во время операции, проведённой ЧОНовцами по наводке Екатерины Вереникиной, хоть и одет был в одежду атамана Ивана Колесникова, но при опознании местными жителями таковым признан не был.

Вот и думай, дорогой мой читатель, погубила красавица атамана, или, наоборот, спасла его. Ведь он был и красив, и удал.

Женщина встретилась в эту пору и нашему герою.

История знакомства Жукова со своей будущей женой носит характер почти комический.

Однажды командир эскадрона со своим политруком Яниным остановились на постой в доме местного священника. Сели за стол ужинать. И вдруг на печи под старыми зипунами послышался шорох.

— Кто там? — строго спросил Янин.

С печи слезла девушка. Совсем молоденькая. Невысокого росточка. И с виду ничего себе. Жукову она сразу приглянулась.

— Ты кто? — спросил он её.

— Я — поповна, — ответила та.

Жуков засмеялся. Кивнул политруку:

— Янин, ты когда-нибудь видел такую поповну? — И тут же пододвинул к столу табуретку: — А ну, садись, поповна, с нами.

Пили чай и разговаривали.

— Грамотная ли ты? — спросил девушку Жуков.

Уже познакомились. “Поповну” звали Александрой Зуйковой.

— Грамотная.

— Пойдёшь писарем в эскадрон?

— Пойду.

Дочь Георгия Константиновича и Александры Диевны Эра Георгиевна Жукова об этой встрече её родителей рассказывала так: “Жалко девку, — сказал отец Янину, — всё равно убьют, война ведь. Пусть лучше будет у нас писарем в эскадроне”. И приказал Александру Диевну оформить. Так она оказалась в эскадроне, которым командовал Георгий Константинович”.

По другой версии, Жуков познакомился со своей будущей женой вот при каких обстоятельствах. Однажды, когда эскадрон занял для ночёвки деревню, Жуков увидел, как несколько красноармейцев погнались за местной девушкой. Он тут же окликнул “женихов”, и те ушли несолоно хлебавши. А девушку привёл в штаб.

Из рассказов Эры Георгиевны Жуковой о матери: “Родилась она в 1900 году в селе Анна Воронежской области в многодетной семье агента по продаже зингеровских швейных машин Зуйкова Дия Алексеевича. Имя Дий дал сыну его отец, волостной писарь, встретив это редкое имя в каких-то бумагах. Жили бедно. Но маме удалось закончить гимназию, а затем учительские курсы. Недолго проработав в сельской школе, она встретила с отцом, отряд которого в те годы был направлен в Воронежскую область для борьбы с бандой Антонова, и в 1920 году стала его женой.

Время было трудное, в погоне за белогвардейскими бандами отряд всё время передвигался. И мама была зачислена в штаб отряда писарем. Как она рассказывала, спуску от командира ей никакого не было. А однажды он чуть было не отправил её на гауптвахту за какую-то оплошность при подготовке художественной самодеятельности. Трудности и лишения кочевой военной жизни не мешали их счастью. И оба, уже на моей памяти, любили вспоминать эти годы: как мама часами тряслась в бричке, как перешивала военные гимнастёрки на юбки, а красноармейские бязевые сорочки — на бельё, как плела из веревок “босоножки”.

“Не мешали их счастью...” Ещё как мешали!

Видимо, от постоянной дорожной тряски, от переутомления Александра Диевна потеряла ребёнка. Первенца. Говорят, это был мальчик. Не случись беды, у них был бы сын.

От трёх женщин у Жукова будет четверо детей. Все — девочки. Дочери. Кто знает, возможно, пусть в какой-то мере, тоска по сыну и разладит со временем их семейный союз с Александрой Диевной.

Но об этом — позже.

Глава девятая

КОМАНДИР 39-го БУЗУЛУКСКОГО КАВАЛЕРИЙСКОГО ПОЛКА

“Мы совершали марши, учились вести разведку, атаковали, маневрировали...”

Портрет краскома Жукова очень точно набросал в своих воспоминаниях бывший старшина эскадрона Александр Кроник: “Был он невысок,

но коренаст. Взгляд у него спокойный, неназойливый, но цепкий, оценивающий. Скованности в позе комэска не угадывалось, но и той естественной расслабленности, которую может себе позволить человек, ведущий непринуждённую застольную беседу, я тоже в нём не чувствовал. Движения его были сдержанны. Он, вероятно, был очень крепок физически, а в сдержанности каждого его жеста я чувствовал выработанную привычку постоянно контролировать себя, что свойственно людям волевым, внутренне дисциплинированным. Я сразу почувствовал, что мой комэск — настоящая военная косточка”.

Вот когда Жуков стал командиром. Почувствовал силу своей воли. Понял и другое, весьма важное в службе — умение показать и себя, и выучку своего подразделения.

Весной 1923 года он был повышен в должности до помощника командира 40-го кавполка 7-й Самарской кавалерийской дивизии. Дивизия дислоцировалась в районе Минска.

После окончания гражданской войны из Красной армии начали увольнять многих “военспецов” из “бывших”. На их место ставили красных командиров, выдвиженцев из народа, хорошо проявивших себя в боях и походах. Армия постепенно растила свои кадры. Эта кампания вынесла на стremнину и комэска Жукова.

Вначале волевого и деятельного командира заметил командир 7-й кавдивизии Каширин. Познакомились. Оба в годы Первой мировой войны были разведчиками. Им было о чём поговорить.

Комдив хорошо разбирался в людях. В Жукове он сразу разглядел командира с большим будущим: малость его подучи, дальше он сам пойдёт.

Из “Воспоминаний и размышлений”: “Комдив Н. Д. Каширин принял меня очень хорошо, угостил чаем и долго расспрашивал о боевой и тактической подготовке в нашем полку. А потом вдруг спросил:

— Как вы думаете, правильно у нас обучается конница для войны будущего? И как вы сами представляете себе войну будущего?

Вопрос мне показался сложным. Я покраснел и не смог сразу ответить. Комдив, видимо, заметив мою растерянность, терпеливо ждал, пока я соберусь с духом.

— Необходимых знаний и навыков, чтобы по-современному обучать войска, у нас, командиров, далеко не достаточно, — сказал я. — Учим подчинённых так, как учили нас в старой армии. Чтобы полноценно готовить войска, нужно вооружить начальствующий состав современным пониманием военного дела.

— Это верно, — согласился комдив, — и мы стараемся, чтобы наши командиры прошли военно-политические курсы и академии. Но это длительный процесс, а учебных заведений у нас пока маловато. Придётся первое время учиться самим.

Он прошёлся по кабинету и неожиданно объявил, что меня решено назначить командиром 39-го Бузулукского кавалерийского полка.

— Я вас не очень хорошо знаю, но товарищи, с которыми разговаривал, рекомендуют вас на эту должность. Если возражений нет, идите в штаб и получите предписание. Приказ о назначении уже подписан.

Прощаясь с комдивом, я был очень взволнован. Новая должность была весьма почётной и ответственной. Командование полком всегда считалось важнейшей ступенью в овладении военным искусством”.

И там же — размышления маршала о том, что такое полк для командира и для будущего полководца: “Полк — это основная боевая часть, где для боя организуется взаимодействие всех сухопутных родов войск, а иногда и не только сухопутных. Командиру полка нужно хорошо знать свои подразделения, а также средства усиления, которые обычно придаются полку в боевой обстановке. От него требуется умение выбрать главное направление в бою и сосредоточить на нём основные усилия. Особенно это важно в условиях явного превосходства в силах и средствах врага.

Командир части, который хорошо освоил систему управления полком и способен обеспечить его постоянную боевую готовность, всегда будет пере-

довым военачальником на всех последующих ступенях командования как в мирное, так и в военное время”.

Из приказа по 39-му Бузулукскому кавалерийскому полку:

“№ 224, лагерь Ветка
8 июля 1923 г<ода>

Согласно приказа 7-й Самарской кавдивизии от 8 июля сего года за № 319, сего числа вступил во временное командование 39-м Бузулукским кавполком.

Основание: приказ 7-й Самарской кавдивизии № 319.

Командир 39-го Бузулукского кавполка ЖУКОВ
Военный комиссар БУШЕВ
Начальник штаба ЛИЦКИЙ”.

Полк стоял в летних лагерях. Горнист трубил утреннюю зорю, и для красноармейцев и командиров начинался очередной день боевой учёбы.

Что ж, Жуков был превосходным кавалеристом. Он мог любому в своём полку сказать: “Делай, как я!” — и ловко, одним махом, сесть в седло, бросить коня в галоп, мгновенным движением выхватить шашку и рубить “лозу” и “горку” из мокрой глины на высоком станке. Так он время от времени проводил занятия с младшими командирами. Знал, что среди них есть сверхсрочники, старые рубаки не хуже него, так что эти выезды были уроками проверки физического состояния и боевой выучки и для него тоже. Слышал сквозь топот копыт возгласы стариков: “Эх, как рубит!” А потом резко осаживал, поворачивал разгорячённого коня и командовал:

— Справа по одному-у! На открытую дистанцию на рубку лозы галопом — ма-арш-ш!

И пошла карусель! Внимательно следил за действиями своих подчинённых, подмечал все ошибки и просчёты. Потом делал подробный разбор.

Из воспоминаний Александра Кроника: “И так же отменно владел он приёмами штыкового боя. Винтовка в его руках казалась лёгонькой, как перо. Преодолевал он провололочные заграждения с удивительной лёгкостью и быстротой: удары прикладом и уколы штыком наносил неожиданные, сильные и меткие.

...Он поднимал эскадрон в любое время суток. Мы совершали марши, учились вести разведку, атаковали, маневрировали. Комэск считал, что полевая тренировка — лучший вид учёбы. Намеченные планы переносить или пересматривать не любил и уж совсем не любил отменять собственные приказы. “Лучше вообще не отдавать приказа, чем отменить отданный приказ”, — сказал он мне однажды”.

Когда Жуков вступил в командование полком, ритм боевой учёбы остался тем же — служба с утренней зóри — побудки — до зóри вечерней — отбоя. А что касается твёрдости приказа, то как тут не вспомнить непреклонного генерала Келлера, который приказал своим полкам в сабельном бою под Ярославцами следовать приказу, полученному перед боем и не отступать от него, что бы ни случилось.

Будущий полководец учился у всех, постоянно, упорно, везде. И это постоянство и упорство, помноженное на лучшие черты характера пилихинской породы, давали прекрасные результаты.

Вот только с личной жизнью у комполка не всё складывалось так, как подобало бы красному командиру и члену партии большевиков.

После того, как у Александры Диевны случился выкидыш, она стала беречься. Врачи советовали покой и предрекали бездетность. Но она вскоре забеременела. А чтобы благополучно выносить плод, уехала к родителям. И, видимо, именно в это время произошла новая встреча Жукова с прежней любовью — Марией Волоховой.

Квартиры командира полка Жукова и комиссара Янина находились рядом. К Антону Митрофановичу к тому времени переехала жить его давняя любовь и фронтовая подруга Полина Николаевна Волохова. А после смерти

родителей из Полтавы в Минск к старшей сестре приехала и младшая, Мария. Старая любовь вспыхнула с новой силой.

Любовь к прекрасному полу у нашего героя была частью любви к прекрасному вообще. Человеком он был физически крепким, красивым, характер имел упорный, по-крестьянски основательный, а потому его любовь к женщинам носила характер такой же основательности и силы.

Признаться, я так и не смог до конца разобраться в обстоятельствах и тайнах этого замысловатого треугольника. И с облегчением снимаю с себя обязанность дотошного исследователя и толкователя взаимоотношений Жукова и его возлюбленных периода 20-х годов. В таких историях до края, чтобы заглянуть в бездну, лучше не ходить. Уж если сам Жуков не разобрался в своих чувствах, то наше дело — сторона...

Младшая дочь от Александры Диевны Элла Георгиевна рассказывала, что её мать и отец в первый раз “расписались в 22-м году. Но, видимо, за годы бесконечных переездов документы потерялись, и вторично отец с мамой зарегистрировались уже в 53-м году в московском загсе”.

Официально Жуков не был женат ни на Марии, ни на Александре. В мемуарах, рассказывая о напряжённой боевой учёбе той поры и неутомимом энтузиазме, с которым его товарищи создавали новую армию, повышали её боеспособность, он, между прочим, пишет: “В начальствующем составе армии люди были, главным образом, молодые и физически крепкие, отличавшиеся большой энергией и настойчивостью. К тому же большинство из нас были холостыми и никаких забот, кроме служебных, не знали”.

Этот абзац Жуков писал, по всей вероятности, сам. “Доработчики” к нему не притронулись — ничего подозрительного не заметили.

Дети и внуки от первых двух жён, конечно же, соперничали между собой, всячески аргументировали своё превосходство. Больше всего в этой семейной дискуссии всегда доставалось и достаётся Александре Диевне. Мол, она заполучила Жукова в семью через партком...

Но вот письма Жукова к ней. Датированы они разными годами. Отношение мужа к ней ровное. Особых сердечных нежностей в письмах Жуков никогда и ни к кому не проявлял.

Дер. Сирод. 12.9.1922.

Здравствуй, милая Шура!

Шлю привет. Прежде всего, хочу тебя успокоить, получил ли я посланные тобой письма. Да, получил... Не знаю, почему шли так долго, наверное, задержались на контрольных пунктах.

Теперь буду писать о себе, так как вижу из писем, что это тебя интересует больше всего. 27 августа прибыл в распоряжение штадива, где я получил назначение командиром 2-го эскадрона 38-го кавполка, куда и прибыл 28 августа. Эскадрон большой и хороший. Так что я занялся серьёзно... Словом, живу хорошо, только тем плохо, что страшно скучно. Деревня глухая, 70 домов. Никуда не выезжаю. До местечка Калиновичей — 6 вёрст, там штаб полка, я пока ни разу не был. Страшно скучаю, хочу безумно видеть тебя, а тут ещё твои письма, полные слёз... Пиши поскорей, куда присылать за тобой и выслать денег... Прости, что плохо писал, страшно болят голова и рука, которую порезал. Твой Жорж”.

Эскадроны полка были расквартированы по окрестным деревням. Вечерами, понятное дело, бывало скучновато. Для Жукова эта скука усугублялась ещё и тем, что он не пил.

А вот более позднее письмо к Александре Диевне:

“Ленинград. 19.10.24.

Здравствуй, милый Шурёнок!

...Вчера, 18.10, закончил последний экзамен, всего держал по семи предметам. Результат следующий: 1-е место по общей тактике “отлично”, 2-е по

тактике конницы “хорошо”, по политграмоте “удовлетворительно”, по стрелковому “отлично”, по езде “хорошо”. Как видишь, Шурик, отметки приятные, и не каждый может это сделать, да и мне это не легко далось. С 6.10 по 18-е, т. е. 12 дней, работал по 18 и по 20 часов, имея определённую цель. Правда, на состоянии отозвалось, начались головные боли, ввалились глаза. Но теперь до 1 ноября буду отдыхать и слегка работать. Сегодня, например, был в городе (с экскурсией). Осмотрел дворец, где жили Александр III и Мария Ф. Во дворце всё сохранилось, как было, роскошь, которую пришлось осмотреть, описать очень трудно. Кроме того, был в Зимнем дворце, где жил Николай II с семейством. Зимний дворец ещё более шикарен и по объёму, и по вкусу. Город очень красив, особенно Невский проспект, но обезображен наводнением, так как все мостовые ещё ремонтируются, и говорят, что к 15 ноября город приведут в нормальный вид...

Кружковая работа, Шурик, у нас уже началась. Езда с 22.10 по 2 часа в день, а остальные занятия начнутся с 1.11. Пока до свидания, милый мой Шурик, целую тебя, твой Жорж”.

Второе, ленинградское письмо к жене содержит любопытный штрих. Сообщая “милому Шурёнку” о своих успехах, Жуков как о наивысшем достижении пишет о том, что он первый в группе по общей тактике. Ему не столько важна оценка — “отлично”, — сколько первенство среди товарищей. Природная, родовая, пилихинская черта — быть первым среди равных. Мы не раз ещё будем наблюдать проявление этой черты и убеждаться в том, какие горы она может двигать. Эта неутолимая жажда первенства и приведёт нашего героя в Берлин — командующим войсками 1-го Белорусского фронта, маршалом Победы.

Вначале — в 1928 году — родила Александра Диевна Зуйкова. Девочку назвали Эрой.

Потом — в 1929-м — родила Мария Николаевна Волохова. И тоже девочку. Её назвали Маргаритой.

Но оставим на некоторое время женщин и вернёмся к службе.

После Николая Каширина 7-й кавдивизией командовал Г. Д. Гай. Дивизия участвовала в больших окружных манёврах, в ходе которых 39-му Бузулукскому кавполку отводилась особая роль. Наблюдатели, в том числе и командующий Западным фронтом Михаил Тухачевский, были поражены быстрым и решительным маневром одного из кавалерийских полков во встречном бою. Полк значительно опередил своего условного противника в развёртывании и фланговым ударом “разгромил его наголову”.

Тухачевский поинтересовался у командира дивизии, кто командует полком. Ему назвали имя Жукова. Такого комполка он не знал. Но действия его отметил, похвалил за быстроту и решительность, за высокую выучку красноармейцев, которая чувствовалась в каждом движении атакующих эскадронов.

В июле 1924 года комдив Гай направил талантливого молодого командира на учёбу в Ленинград. Жукову была выдана следующая аттестация: “Хороший строевик и администратор, любящий и знающий кавалерийское дело. Умело и быстро ориентируется в окружающей обстановке. Дисциплинирован и в высшей степени требователен по службе. За короткое время его командования полком сумел поднять боеспособность и хозяйство полка на должную высоту. В боевой жизни мною не испытан. Занимаемой должностью соответствует.”

Командир 2-й бригады 7-й Самарской дивизии В. Селицкий”.

Командир и военком 7-й кав. Дивизии Г. Д. Гай поставил резолюцию:

“С аттестацией командира бригады вполне согласен. Тов. Жуков теоретически и тактически подготовлен хорошо. За короткий срок поставил полк на должную высоту. Хороший спортсмен-наездник. Должности вполне соответствует”.

Вскоре Жуков отбыл в Ленинград.

В городе революции он был впервые. Здесь его многое поразило. Некоторые свои впечатления он сообщал в письмах к Александре Диевне.

Высшая кавалерийская школа размещалась в корпусах бывшей Высшей кавалерийской школы старой армии. Прекрасная учебная база, налаженный быт, методические кабинеты, манеж для выезда.

Жадный до всего нового, что способствовало совершенствованию его военных знаний и продвижению карьеры, Жуков сразу же с головой погрузился в учёбу.

Начальником курсов в то время был легендарный Примаков. Вскоре его сменил “военспец” Баторский, который реорганизовал курсы, наполнил учебный процесс высокой военной культурой. По его распоряжению была образована особая группа, в которую вошли двадцать пять командиров полков.

Среди двадцати пяти оказались будущие полководцы Великой Отечественной — Баграмян, Ерёмченко, Рокоссовский.

Как все-таки прихотлива судьба!

1924 и 1925 годы в мире были ознаменованы следующими событиями.

В стране принята Конституция СССР — образовано новое государство, раскинувшее свои просторы от моря до моря.

В Германии после провала “мюнхенского путча” арестован и приговорён к пятилетнему тюремному заключению Адольф Гитлер. В камере он писал свой политический манифест — книгу “Майн кампф”.

На парламентских выборах в Италии победили фашисты, Муссолини принял на себя полномочия диктатора.

Лев Троцкий подал в отставку с поста наркома по военным и морским делам. На его место был назначен М. В. Фрунзе, но вскоре его сменил К. Е. Ворошилов.

Умер патриарх Тихон (Василий Иванович Беллавин). Преемник ему не был назначен. В своём завещании Тихон призвал Церковь быть лояльной к Советской власти.

Заключён советско-германский торговый договор.

Последние британские войска выведены из Кёльна (Германия).

На своём XIV съезде партия, которая насчитывает 1 млн 80 000 человек, принимает новое своё название — Всесоюзная Коммунистическая партия (большевиков). Сталин на съезде высказал идею ускоренной индустриализации страны.

Принят закон об обязательной военной службе.

В 1925 году ушли из жизни герои гражданской войны Михаил Васильевич Фрунзе и Григорий Иванович Котовский, поэт Сергей Александрович Есенин. Все — при не до конца выясненных обстоятельствах. Смерть каждого из них так и останется тайной истории.

Иван Христофорович Баграмян те ленинградские дни вспоминал почти с восторгом: “Мы были молоды и, вполне естественно, кроме учёбы, нам хотелось иногда и развлечься, и погулять, что мы и делали: уходили в город, иногда ужинали в ресторане, иногда ходили в театры. Жуков редко принимал участие в наших походах, он сидел над книгами, исследовал операции Первой мировой войны и других войн...”

Другой однокурсник Жукова, Константин Константинович Рокоссовский, вспоминал такую картину: “Жуков, как никто, отдавался изучению военной науки. Заглянем в его комнату — всё ползает по карте, разложенной на полу. Уже тогда дело, долг для него были превыше всего”.

“Георгий Константинович Жуков среди слушателей нашей группы считался одним из самых способных, — вспоминал Баграмян. — Он уже тогда отличался не только ярко выраженными волевыми качествами, но и особой оригинальностью мышления. На занятиях по тактике конницы Жуков не раз удивлял нас какой-нибудь неожиданностью. Решения Георгия Константиновича всегда вызывали наибольшие споры, и ему обычно удавалось с большой логичностью отстоять свои взгляды”.

Удивительное дело, им, молодым курсантам, вскоре предстояло развешаться по своим гарнизонам и полкам, чтобы с новыми силами взяться за боевую учёбу, но на полигоны, рева моторами и лязгая отшлифованными в земле гусеницами, уже выезжали танки и танкетки, бронемашины и артиллерийские тягачи. Техника начинала теснить кавалерию. И многие одно-

кашники Жукова уйдут в другие рода войск. Да и он сам уже скоро распрощается с кавалерийским седлом и шашкой.

Когда были сданы экзамены, Жуков с двумя своими товарищами решил возвращаться к месту службы в Минск своим ходом, на лошадях. 1000 километров марша — это не прогулка. Тем более что они решили преодолеть это расстояние за семь суток. В дороге лошадь Жукова Дира неожиданно захромала. Осмотрел копыто, обнаружил трещину. Кто-то из товарищей предложил залить трещину воском. Так и сделали. Некоторое время Жуков вёл Диру в поводу. Вскоре она перестала хромать, и он вскочил в седло.

В Минске, при въезде в город, группу своих командиров полков, покорявших мировой рекорд, встречал комиссар 7-й Самарской кавалерийской дивизии Григорий Штерн. Комиссар был в приподнятом настроении, он поздравил прибывших с успешным окончанием пробега и сказал, что последние километры надо проскакать полевым галопом.

— Вас там встречает вся дивизия! — сказал он. — Покажите хлопцам, что у вас ещё есть порох в пороховницах!

Порох нашёлся. Хотя последние сутки шли уже на характере. Исхудали лошади. Да и всадникам тоже пришлось прокалывать на ремнях не одну пару дырок.

Это были годы трудовых подвигов, рекордов, свершений и мирных побед.